

Переводческий факультет
Кафедра перевода английского языка

дипломная работа

на тему: Передача перечислений при переводе (на материале перевода с английского языка на русский отрывков из книги Б. Брайсона «Супергерой с планеты Электро, или Повесть о моем детстве»)

по специальности 031202 «Перевод и переводоведение»

Автор:

Сеноедова Е.А.

Группа 503 а/исп

Научный руководитель:

Бузаджи Д.М., зав. кафедрой перевода
английского языка, к филол. н

Рецензент:

В.К. Ланчиков, профессор кафедры перевода
английского языка к. филол. н

Москва, 2011 г

ОТЗЫВ

о дипломной работе студентки 503 а/исп группы
переводческого факультета
Сеноедовой Е.А.

Дипломная работа студентки группы 503 а/исп Сеноедовой Е.А. на тему «Передача перечислений при переводе (на материале перевода с английского языка на русский отрывков из книги Б. Брайсона «Супергерой с планеты Электро, или повесть о моем детстве»)» отвечает требованиям, предъявляемым к дипломным работам, и может быть допущена к защите.

Научный руководитель:

зав. кафедрой перевода английского
языка, к филол. н
Бузаджи Д.М

18 апреля 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая часть	4
Введение.....	4
Глава 1. Понятие перечисления в общелингвистической и переводоведческой литературе.....	7
1.1 Перечисление, зевгма и силлепсис. Соотношение понятий.....	9
1.2 Характеристика и признаки стилистического приема перечисления.....	11
1.3 Сравнительный анализ функционирования стилистического приема перечисления в художественной литературе английского и русского языков.....	19
Глава 2. Особенности передачи перечислений в переводе..	27
2.1 Передача перечислений в зависимости от степени структурной и семантической однородности единиц.....	27
2.1.1 Перечисления, семантически и структурно однородные.....	28
2.1.2 Перечисления, разнородные структурно, но однородные семантически.....	31
2.1.3 Перечисления, разнородные семантически, но однородные структурно.....	32
2.1.4 Перечисления, разнородные структурно и семантически.....	37
2.2 Передача перечислений в зависимости от степени экспрессивности.....	41
Заключение.....	43
Практическая часть.....	45
Библиография.....	85

Введение

Тема данной дипломной работы – перечисление, определение статуса этого явления в лингвистической литературе, описание его структурных и функциональных особенностей и принципы передачи этого стилистически значимого явления при переводе на русский язык.

Данная тема представляется актуальной в связи с тем, что в переводоведческих исследованиях она не получила достаточного освещения. В то же время перечисление – распространенный феномен.

Нередко переводчики не принимают во внимание коммуникативную функцию перечисления или не учитывают структурные особенности языков и переводят каждый элемент перечисления отдельно, что порой может привести к различным ошибкам, вплоть до искажения смысла.

Мы будем рассматривать особенности передачи перечислений на материале двух переводов фрагментов книги Б. Брайсона «Супергерой с планеты Электро, или повесть о моем детстве». Первый перевод был выполнен нами в качестве практической части дипломной работы, второй, принадлежащий В. Михайлову, опубликован в издательстве «Гелеос Паблишинг Хаус» в 2010 году (книга вышла уже после того, как мы завершили работу над большей частью перевода). В силу данного обстоятельства, работа содержит сопоставительный анализ двух переводов одной книги.

Наш выбор данного материала для перевода не случаен. Эта повесть привлекла нас интересным содержанием и ненамеченным

юмором. Для создания юмористического эффекта Б. Брайсон в своих работах использует большое количество стилистических приемов. Особенно интересно использование перечислений в различных коммуникативных функциях, поэтому в данном исследовании мы будем рассматривать возможные функции перечислений в тексте.

Уместность исследования данной теоретической темы на материале настоящего произведения объясняется тем, что развернутые перечисления в нем встречаются довольно часто, и почти всегда представляют собой переводческую трудность. Стоит отметить, что на 42 страницах текста нам встретилось 14 развернутых перечислений.

В работе мы постараемся максимально четко определить перечисление, приведя различные взгляды на это явление. Будут выделены характеристики и признаки перечисления, как стилистического приема.

Далее мы проведем сопоставительный анализ стилистических приемов перечисления, зевгмы и силлепсиса.

Затем мы предложим классификацию перечислений, основанную на двух параметрах – экспрессивности перечисления и степени однородности входящих в него членов. Стоит отметить, что эти две классификации пересекаются, образуя более сложную схему. В связи с этим можно говорить о влиянии признака однородности/разнородности элементов на степень стилистической окрашенности всего перечисления. Более того, связь между этими двумя параметрами в разных языках проявляется по-разному. Например, в английском языке разнородные перечисления довольно часто не являются стилистически значимыми, в то время как в русском они почти всегда экспрессивны.

Работа опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/gradsya.html>

В нашем исследовании мы проведем сопоставительный анализ двух переводов, с целью показать на конкретных примерах, в чем состоит трудность передачи перечислений при переводе.

Таким образом, в ходе нашего исследования, мы сформулируем определенные практические переводческие рекомендации.

Глава 1. Понятие перечисления в общелингвистической и переводоведческой литературе

В своей работе по английской стилистике И.Р. Гальперин приводит следующее определение перечисления:

“*Enumeration* is a stylistic device by which separate things, objects, phenomena, properties, actions are named one by one so that they produce a chain, the links of which, being syntactically in the same position (homogeneous parts of speech), are forced to display some kind of semantic homogeneity, remote though it may seem” [Гальперин, с.216].

Вслед за профессором И.Р. Гальпериным В.А. Левашова также предлагает рассматривать перечисление как стилистический прием, тем не менее несколько расширяя предложенное определение и включая в него не только ряды с «семантически разнородной» лексикой, но и ряды, семантика членов которых в лексической системе языка не противопоставляется, но которые тем не менее выполняют в художественном тексте определенную стилистическую роль [Левашова, с.3].

В языковедческих работах, посвященных русскому языку, данное понятие почти не имеет научного освещения, гораздо чаще лингвисты прибегают к понятию «однородные члены предложения» (ОЧП).

И.Б. Голуб определяет понятие перечисления более широко, как «длинную цепочку однородных членов». Упоминая стилистическое использование ОЧП, она, тем не менее, не говорит о

перечислении как об отдельном стилистическом приеме. Она скорее отождествляет понятия ОЧП и перечисления [Голуб, с.394].

Такую же точку зрения можно наблюдать и у А.Н. Гвоздева, который использует термины ОЧП и «перечисление» как синонимы, опять же не выделяя такого стилистического приема, как перечисление. Однако в то же время он говорит о стилистическом потенциале использования ОЧП «в связи с тем, что они располагают большим количеством синонимических структур, различающихся или смысловыми оттенками, или употреблением в разных стилях речи» [Гвоздев, с.335-344].

Для большей ясности приведем определение, которое дает ОЧП

Д.Э. Розенталь: «члены предложения, выполняющие одинаковую синтаксическую функцию, объединенные одинаковым отношением к одному и тому же члену предложения, связанные между собой сочинительной связью» [Розенталь, буква О].

И.В. Арнольд в этой связи оперирует термином «синтаксическая конвергенция», который при ближайшем рассмотрении включает в себя ряд ОЧП, несущий в себе некую экспрессию, или перечисление, как его понимают профессор И.Р. Гальперин и В.А. Левашова. Синтаксической конвергенцией называется группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению. Например: *To make a separate peace with poverty, filth, immorality or ignorance is treason to the rest of the human race* (S. Levenson. *Everything but Money*) [Арнольд, с.256].

В результате анализа различных источников можно прийти к выводу, что в языковедческой литературе, посвященной английскому языку, исследователи склоняются к трактовке перечисления, как стилистического приема.

В связи с этим в нашем исследовании мы будем понимать перечисление, как стилистически значимый ряд однородных членов предложения, связанный общей коммуникативной функцией.

1.1 Перечисление, зевгма и силлепсис. Соотношение понятий

Говоря о стилистическом использовании перечислений, стоит подробнее взглянуть на такие стилистические приемы, как зевгма и силлепсис. В отличие от понятия перечисления, эти термины получили достаточно широкое освещение как в языковедческих, так и в переводоведческих источниках.

Мы позволим себе воспользоваться обзором литературы, приведенным В.К. Ланчиковым в его статье «Зевгма как переводческая проблема».

Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман определяют зевгму следующим образом: «Этот прием заключается в том, что два или более однородных членов выступают в качестве дополнения при одном глаголе, с которым они одновременно не могут сочетаться парадигматически <...> Эффект этого приема заключается в столкновении двух значений глагола – прямого и переносного, свободного и лексически связанного» [Левицкая, Фитерман, с.124].

В.А. Левашова объединяет понятия зевгмы и приема перечисления в один термин «зевгматическое перечисление», для которого характерна «одновременная реализация нескольких значений многозначным словом, которое занимает позицию общего

члена перечисления (главного или подчиненного))» [Левашова, с 153].

Силлепсис менее подробно изучен в лингвистике, чем зевгма, а некоторые исследователи и вовсе не находят нужным четко разграничивать эти приемы, к их числу принадлежит, например С.Нонака [Нонака, с.378].

Но мы все же постараемся понять разницу между зевгмой и силлепсисом.

И.В. Арнольд определяет силлепсис, как «объединение двух или более однородных членов, так или иначе различающихся в грамматическом отношении» Пример использования силлепсиса в художественной литературе: «A disorderly rush begins — my parents, my wives, my girls, my children, my farm, my animals, my habits, my money, my music lessons, my drunkenness, my prejudices, my brutality, my teeth, my face, my soul!» Здесь мы можем наблюдать силлепсис числа.

Любопытно то, что зевгму И.В. Арнольд рассматривает, как разновидность силлепсиса, а именно как «конструкцию с неоднородными связями подчиненных элементов с общим подчиняющим словом, создающую таким образом комический эффект». Например: «She was seen washing clothes with industry and a cake of soap» [Арнольд, с.259].

В.П. Москвин поясняет, что эти два понятия соотносятся так: «Зевгма объединяет перечисленные однородные понятия b, c, d общим членом по формуле $a(b+c+d)$, силлепсис просто перечисляет разнородные понятия $b, y, щ$ по формуле $b+y+щ$ » [Москвин, с.127].

В нашем исследовании мы будем понимать зевгму как стилистический прием, в котором два и более понятия объединены

общим членом. Прием часто основан на полисемантическойности этого элемента. Например: «She lost her heart and her necklace». Здесь зевгма основана на одновременной реализации двух словарных значений глагола «терять» в английском языке.

Силлепсис в рамках нашего исследования будет подразумевать под собой вид перечисления, обладающего категорией семантической разнородности.

Об использовании этих приемов в русском и английском языках мы будем подробнее говорить в главе о классификации перечислений.

1.2 Характеристика и признаки стилистического приема перечисления

Для того, чтобы четко разграничить понятия перечисления и ОЧП, необходимо выявить отличительные признаки этого стилистического приема.

В своей диссертации В.А. Левашова выделяет два признака перечисления. Одним из этих признаков является «вариативность структурно-синтаксической организации приема перечисления» [Левашова, с. 21], вторым – «открытость перечислительной цепи» [Левашова, с. 13].

Вариативность в данном случае предполагает «возможность некоторых модификаций или различий в построении перечислительного ряда при неизменном сохранении тождества синтаксической функции всего ряда перечисления» [Левашова, с. 21]. Например, в качестве единиц перечисления могут одновременно использоваться как отдельные словоформы, так и словосочетания различного рода. В тех же случаях, когда единицами перечисления

являются словосочетания, они могут различаться по составу и степени сложности.

Под открытостью перечисления понимается «принципиальная неограниченность увеличения его линейной протяженности» [Левашова, с. 13].

В нашем исследовании мы также выделим некоторые признаки стилистического приема перечисления.

В качестве основного признака стилистического приема перечисления следует выделить функциональную целостность перечислительного ряда. Стоит отметить, что данным свойством обладают все перечисления без исключения, а ряд ОЧП, лишенный подобного признака, перечислением быть назван не может

Суть признака функциональной целостности состоит в том, что подбор автором элементов перечисления не является случайным и совершается по некой закономерности. Эта закономерность состоит в том, что, как и все перечисление в целом, так и каждый элемент в отдельности способствует реализации общей коммуникативной функции на уровне всего перечисления, отличной от функции информирования. Иными словами, коммуникативная функция перечисления типа «У меня есть а, б, в» оказывается сложнее и богаче функции ряда утверждений типа «У меня есть а» + «У меня есть б» + «У меня есть в». При этом целостность может проявляться как на уровне структуры, так и на уровне семантики.

С точки зрения структуры, порой авторы прибегают к различным синтаксическим и морфологическим стилистическим приемам для достижения определенного эффекта. Подобные перечисления, например, могут содержать в себе преднамеренные повторы, параллельные конструкции. Сюда же стоит отнести и

прием градации – нарастания или спада интенсивности признака внутри перечислительного ряда. Что касается морфологических приемов, то тут можно упомянуть аллитерацию или звукопись.

Соответственно, при переводе, подобные приемы следует сохранять или прибегать к другим приемам, если того требует специфика языка перевода (например, передача аллитерации рифмой), с целью не потерять самого главного – коммуникативной функции. Тем не менее, следует сделать оговорку, что необходимо учитывать частотность использования того или иного приема в языке оригинала и языке перевода. Например, вышеупомянутый прием аллитерации редко встречается в русской прозе, но очень частотен в английской.

Рассмотрим пример из перевода Т.Л.Лещенко-Сухомлиной «Женщины в белом» Улики Коллинза.

«A Mamma fair and fat; three young Misses, fair and fat; two young Misters, fair and fat; and a Papa, the fairest and the fattest of all, who is a mighty merchant, up to his eyes in gold – <...>» [Collins].

В оригинале можно наблюдать одновременное использование параллельных конструкций и повторов. За счет повторения определений «fair» и «fat» создается комический эффект, усиливаемый морфологическим приемом аллитерации.

Однако, при переводе из трех стилистических приемов сохранены только первые два – а именно параллельные конструкции и повторы, ввиду редкого использования приема аллитерации в русском языке:

«В прекрасном доме, дорогие мои, живет прекрасная семья: мама – толстая и красивая, три дочки – толстые и красивые,

два сына – толстые и красивые, и папа – самый толстый и красивый из всех. Он могучий купец и купается в золоте».

Приведем пример перечисления, в котором автор преднамеренно использует прием повтора:

“Girls with their legs crossed, girls with their legs not crossed, girls with terrific legs, girls with lousy legs, girls that looked like swell girls, girls that looked like they’d be bitches if you knew them” [Salinger].

В данном примере можно наблюдать неоднократный повтор слов “girls” и “legs”, кроме того, есть повторы и в структурной организации всего ряда: сначала “girls with ... legs”, затем – “girls that looked like ...”.

При переводе данные повторы необходимо сохранить, так как при нарушении выбранного автором построения перечислительного ряда, мы нарушим функциональную целостность перечисления. Обратимся, например, к переводу Р. Райт-Ковалевой:

«Одни девчонки сидели, скрестив ноги, другие держались прямо, у одних девчонок ноги были мировые, у других - безобразные, одни девчонки с виду были хорошие, а по другим сразу было видно, что они дрянь, стоит их только поближе узнать» [пер. Райт-Ковалевой].

Мы видим, что в переводе также повторяются слова «девчонки» и «ноги». Структурный же повтор, хоть немного и модифицирован, но все же в некоторой мере сохранен при переводе: чередуются слова «одни» – «другие»; «у одних» - «у других». Во второй же части при переводе были использованы однокоренные слова «с виду» – «видно».

Возьмем пример из нашего перевода:

«If you were to avail yourself of all that was on offer from advertisers in a single issue of, let's say, Popular Science magazine from, let's say, December 1956, you could, among much else, teach yourself ventriloquism, learn to cut meat (by correspondence or in person at the National School of Meat Cutting in Toledo, Ohio), embark on a lucrative career sharpening skates door to door, arrange to sell fire extinguishers from home, end rupture troubles once and for all, **build radios, repair radios, perform on radio, talk on radio to people in different countries and possibly different planets, improve your personality, get a personality**, acquire a manly physique, learn to dance, create personalized stationery for profit, or ‘make \$\$\$\$’ in your spare time at home building lawn figures and other novelty ornaments» [Bryson].

Обратим внимание на ту часть, где автор преднамеренно использует повтор слов «radio» и «personality» для создания комического эффекта. Этот эффект состоит в том, что автор перечисляет возможности, которые журнал представляет читателям, в стиле, свойственном рекламным объявлениям, для которых характерны повторы слов (например, «стрижка волос, окрашивание волос, завивка волос»). Когда же в позицию общего слова встает такое существительное, как «personality», сочетаемость слов нарушается и за счет этого создается юмористический эффект.

Проведем сравнение двух переводов выделенного фрагмента. В левой колонке приведен перевод В. Михайлова, в правой – перевод, выполненный нами:

<...> кроме всего прочего, вы могли бы <...> собирать	Среди всего прочего, читателю предлагалось: <...>
--	--

радиоприемники, чинить радиоприемники, выступать по радио, разговаривать по радио с людьми из разных стран, а возможно, и с жителями других планет, самосовершенствоваться, выработать характер, <...>.	чинить радиоприемники, конструировать радиоприемники, выступить на радио, поговорить по радио с людьми из других стран и , может даже, с других планет, улучшить характер, приобрести характер, <...>.
---	--

В обоих переводах сохранен повтор слов “radio”, хотя и в несколько другой форме, но, в то время как основной комизм создается за счет повтора слова «personality», в первом переводе этот повтор утерян. Следовательно, в первом переводе теряется юмористический эффект, целенаправленно создаваемый автором.

Таким образом, при передаче подобного типа перечислений, нельзя пренебрегать особенностями его структуры, так как зачастую они являются маркерами функциональной целостности перечисления. Следовательно, при переводе необходимо передавать те структурные особенности перечислительного ряда, от которых зависит общая коммуникативная функция перечисления.

Теперь обратимся к тем случаям, когда признак функциональной целостности выражается на уровне семантики. В данном случае выбор лексем для перечислительного ряда мотивирован некой авторской задачей, например, создать колорит эпохи или вызвать у читателя определенные ассоциации. Вырванные из контекста, единицы подобных перечислений представляют собой бессмыслицу. В один ряд могут быть поставлены слова,

принадлежащие к различным семантическим полям и различным стилям, для выполнения общей коммуникативной функции.

Рассмотрим пример из нашего перевода. Вспоминая Америку 50-х годов, автор перечисляет слова, которые у главного героя вызывали ассоциации с той самой эпохой:

«<...> and enjoy saying some of those delightful words that existed in the Fifties and are no longer heard: *mimeograph, rotisserie, ice box, rutabaga, panty raid, bobby sox, sputnik, beatnik, canasta, Cinerama, Moose Lodge, pinochle, daddy-o*» [Bryson].

Мы имеем дело с разнородным перечислением, с хаотичным расположением элементов. В то время как американцу подобный ряд напомним стиль жизни, характерный для США 50-х годов, русскому читателю подобный набор слов покажется абсурдным.

Так и получилось, например, в переводе В. Михайлова:

«<...> употребляя при этом занятные слова, имевшие хождение в пятидесятых, которые сегодня не услышишь: *мимеограф, электрический рашпер, ящик со льдом, охота за девичьими трусиками, боббисокс, спутник, битник, канаста, синерама, Moose Lodge, пинокль, daddy-o*» [пер. Михайлова].

Такие слова, как, например, «*mimeograph*», «*sputnik*» и «*beatnik*» при дословном переводе на русский будут иметь ту же окраску и ассоциироваться у русского читателя с 50-ми годами.

Сложнее дело обстоит со словами «*rutabaga*» и «*ice box*». Не смотря на то, что они имеют эквиваленты в русском языке, никаких воспоминаний о вышеупомянутой эпохе слова «брюква» и «лёдник» вызывать не будут.

Наибольшую же трудность представляют понятия-лакуны, например, «*panty raid*», «*Moose Lodge*» и «*daddy-o*», первое из

который обозначает обычай мальчишек-школьников воровать нижнее белье из комнат их одноклассниц, второе – организации социальной помощи, а третье – обращение, часто используемое в 50-х годах в США.

Мы же предлагаем, вместо дословного перевода, произвести частичную замену единиц перечисления, подобрав такие слова и/или словосочетания, которые у русского читателя будут вызывать ассоциации с 50-ми годами и не противоречить при этом американской культуре. Например, такие:

«<...> произносить те необыкновенные слова, которые можно было услышать в 50-х, и которых нет сейчас: *ЭВМ, Спутник, буги-вуги, коммивояжер, бриолин, радиола, битник, диск-жокей, мимеограф, твист, хула-хуп, вестерн, патефон*».

Таким образом, пожертвовав словарной эквивалентностью, нам удастся в целом сохранить коммуникативную функцию перечисления.

Кроме основного свойства функциональной целостности также можно выделить два дополнительных признака перечисления, при наличии которых ряд ОЧП становится стилистически значимым. Следует отметить, что, в то время как признаком функциональной целостности обладает любое перечисление, следующие два признака обязательными не являются и могут проявляться как вместе, так и по отдельности или же не проявляться вовсе.

Этими признаками являются структурная или семантическая разнородность элементов и большое количество элементов перечислительного ряда.

Говоря о структурной неоднородности перечисления, можно заметить, что в целом этот признак совпадает с выделенным

Левашовой признаком вариативности структурно-синтаксической организации [Левашова, с.21]. Обладающее таким признаком перечисление может включать в себя слова разных частей речи, различные синтаксические структуры – словосочетания, назывные предложения, части сложноподчиненного предложения.

Под семантически разнородными перечислениями мы будем понимать те ряды ОЧП, которые заключают в себе элементы, принадлежащие к различным семантическим полям или же к различным пластам лексики. Сюда относятся, например, различные вкрапления из официально-делового, научного и разговорного стилей в художественных произведениях.

Иногда однородное и структурно, и семантически перечисление с обычным построением элементов все же является экспрессивным. Экспрессивность в таком случае достигается за счет внушительной длины перечислительного ряда.

Нередко подобные перегруженные перечисления, привычные для английского языка, при переводе на русский приходится разделять на несколько предложений, вводить дополнительные грамматические основы и прибегать к прочим переводческим трансформациям.

1.4 Сравнительный анализ функционирования стилистического приема перечисления в художественной литературе английского и русского языков

Для того, чтобы на практике доказать важность данного исследования, мы провели небольшое исследование тенденций в использовании стилистического приема перечисления в русскоязычной и англоязычной художественной литературе. Для

анализа были отобраны произведения авторов второй половины XX века. На материале коротких отрывков, приблизительно равных по количеству знаков фрагменту текста, переведенного нами в качестве курсовой работы, мы изучали закономерности и частотность использования стилистического приема перечисления в литературе. В основу анализа вошли в два произведения, наиболее похожие друг на друга по стилю и тематике. Это роман Пола Остера “City of Glass” из трилогии “The New-York Trilogy” и роман Сергея Довлатова «Иностранка». Остальные же произведения (было проанализировано по 50 страниц из шести произведений) были использованы лишь для выявления частотности проявления тех или иных особенностей.

В результате проведения вышеописанного анализа мы пришли к выводу, что частотность употребления в русском и английском языках как перечислений, так и простых рядов однородных членов, неодинакова.

Для английских предложений характерно «нанизывание» однородных сказуемых, определений, обстоятельств, придаточных предложений. На первых нескольких страницах романа “City of Glass” Пола Остера мы встречаемся с большим количеством подобных небольших рядов однородных членов:.

«The same was true of the publisher, who paid all **fees, monies, and royalties** to Quinn through the agent».

«The world was **outside of him, around him, before him**, and the speed with which it kept changing made it impossible for him to dwell on any one thing for very long».

«**Who he was, where he came from, and what he did** are of no great importance» [Auster].

Проанализировав сходные фрагменты из произведений русских писателей, можно сделать вывод, что подобные ряды ОЧП также встречаются у них. Тем не менее, стоит отметить, что единицами рядов ОЧП в подавляющем большинстве случаев являются дополнения, реже обстоятельства и определения. Также в роли элементов перечисления могут выступать подлежащие, чаще в предложениях с инверсией (см. последний пример).

Например:

«Его работы экспонировались в бесчисленных домоуправлениях, поликлиниках, месткомах».

«И тогда Лева с горя превратился в абстракциониста. Стал рисовать **цветные пятна, линии и завитушки**».

«В его руках немедленно ломались **часы, магнитофоны, фотоаппараты**» [Довлатов].

Также можно отметить, что в английском языке как в стилистически-нейтральных, так и в стилистически-значимых рядах ОЧП могут участвовать как существительные и прилагательные, так и глаголы, герундиальные формы, придаточные предложения. В русском же языке встречаются в основном ряды существительных и прилагательных.

Что касается более длинных рядов ОЧП, то они в проанализированной нами русской прозе встречаются очень редко, можно сказать, почти не используются. В то же время, для английской прозы длинные ряды однородных членов предложения достаточно характерны. В связи с этим, можно с некоторой долей условности заключить, что для английского языка длинные перечисления более частотны, чем для русского, а значит, в английском языке они менее экспрессивны.

Для наглядности мы решили проанализировать небольшой пример из рассказа “The City of Glass” и его перевод на русский язык.

«He cleared the table of the breakfast dishes, **tossed** the newspaper on the couch, **went** into the bathroom, **showered**, **shaved**, **went** on to the bedroom wrapped in two towels, **opened** the closet, and **picked** out his clothes for the day» [Auster].

Вот как этот фрагмент был переведен на русский язык А. Ливергантом:

«**Убрал** со стола посуду, **бросил** газету на диван, **пошел** в ванную, **принял** душ, **побрился**, **вернулся** в спальню завернутый в два полотенца, **открыл** платяной шкаф и **начал** одеваться» [пер. Ливерганта].

Такая фраза, на наш взгляд, по-русски звучит несколько неестественно.

В подтверждение нашим словам рассмотрим описание последовательных действий русскими авторами. Выявляется склонность к употреблению односоставных предложений, в результате чего можно сделать вывод, что при переводе слишком длинных перечислений желательно прибегать к приему членения.

В подтверждение приведем пример:

«Они ушли. А я хожу, хожу и прибираюсь, чтобы чем-то себя занять. Захожу в ванную — там бельё замочено, с какими-то объедками. Вот. Начинаю стирать, тут приходит Феб. Говорит, мол, вернулся. Ну вернулся и вернулся, мне-то что. Вынимаю чопик, и эта жижа вместе с остатками пищи устремляется в водосток» [Некрасов].

Наша гипотеза заключается в том, что подобное построение описания более характерно для русского языка. При переводе нужно

постараться избежать длинного ряда ОЧП и по возможности заменить их либо простыми предложениями, либо придаточными в составе одного сложного предложения.

Согласно выдвинутым нами предположениям, мы предлагаем перевести тот же фрагмент следующим образом:

«Он убрал посуду со стола, бросил газету на диван и пошел в ванную. Принял душ, побрился, затем, обернувшись в два полотенца, вернулся в спальню, открыл шкаф и стал одеваться».

Такое предложение на наш взгляд проще воспринимается и лучше воссоздает картину происходящего.

Для большей наглядности рассмотрим еще один пример. Тут автор описывает «картину» своих воспоминаний. В построении образа используются отдельные предложения, а не одно длинное перечисление.

«Мне запомнились тяжелые лопаты людей в телогрейках и то, как округлые вмятины, оставляемые их сапогами, заплывали жидкой грязью и талой водой. А еще запомнились большие, черные, картавые птицы, рассеявшиеся поодаль в черных голых ветвях деревьев, окаймлявших кладбищенскую ограду» [Ковалев].

С большой долей условности можно предположить, что в английском языке подобное описание было бы построено следующим образом:

«Мне запомнились тяжелые лопаты, люди в телогрейках, округленные вмятины от их сапог, заплывшие жидкой грязью и талой водой, большие, черные, картавые птицы<...>».

Отдельно стоит рассмотреть категорию однородности перечислительных рядов в русском и английском языках. Для английского языка характерны перечисления, разнородные как

семантически, так и грамматически перечисления (подробнее о категории однородности будет описана во второй главе нашей работы). В русском же языке перечисления имеют более упорядоченную структуру, перечисляемые понятия подразделяются на смысловые группы. Понятия, принадлежащие к разным группам редко находятся внутри одного и того же предложения.

Наиболее наглядно такое распределение в следующем примере:

«У нас есть русские магазины, детские сады, фотоателье и парикмахерские. Есть русское бюро путешествий. Есть русские адвокаты, писатели, врачи и торговцы недвижимостью. Есть русские гангстеры, сумасшедшие и проститутки. Есть даже русский слепой музыкант» [Довлатов].

Возьмем для сравнения пример из книги Тони Моррисона «Beloved»:

«For twelve years, long before Grandma Baby died, there had been no visitors of any sort and certainly no friends. No colored people. **Certainly no hazelnut man with too long hair and no notebook, no charcoal, no oranges, no questions**» [Morrison].

Мы видим, что последнее предложение содержит перечислительный ряд, обладающий категорией семантической разнородности. Проще говоря, автор ставит в один ряд одушевленные и неодушевленные, абстрактные и вещественные существительные.

Здесь же будет целесообразно привести пример из нашего перевода.

«Also new, or not quite yet invented, were ball-point pens, fast foods, TV dinners, electric can openers, shopping malls, freeways,

supermarkets, suburban sprawl, domestic air conditioning, power steering, automatic transmissions, contact lenses, credit cards, tape records, portable record players, Major League baseball teams west of St Louis, and the hydrogen bomb» [Bryson].

Мы имеем дело с разнородным перечислением. Элементы расположены беспорядочно, родственные понятия идут вразнобой. Рассмотрим перевод В.Михайлова.

«Были в новинку, а то еще и не совсем доработаны, шариковые ручки, продукты быстрого приготовления, «телевизионные ужины», электрооткрывалки консервных банок, торговые пассажи, скоростные автострады, супермаркеты, разросшиеся пригороды, домашние кондиционеры, рулевое управление с усилителем, автоматическое переключение скоростей, контактные линзы, кредитные карточки, магнитофоны, мусоропроводы, посудомоечные машины, долгоиграющие пластинки, портативные проигрыватели, бейсбольные команды Высшей лиги западнее Сент-Луиса и водородная бомба» [пер. Михайлова].

Изучив несколько примеров из русской литературы, мы сделали вывод, что подобные перечисления встречаются в аутентичной русской литературе очень редко, а следовательно, являются очень экспрессивными. В тексте оригинала данный перечислительный ряд почти неэкспрессивен, чего нельзя сказать о его переводе.

В связи с этим мы предлагаем, во-первых, упорядочить элементы перечислительного ряда, а во-вторых, вынести некоторые элементы в отдельные предложения, добавив дополнительные сказуемые.

«Постепенно в наш обиход стали входить новые изобретения и продукты: шариковые ручки, контактные линзы, кредитные карты, электрические открывалки, измельчители отходов, посудомоечные машины, домашние кондиционеры, магнитофоны, переносные проигрыватели, долгоиграющие пластинки, электроусилители руля, автоматические коробки передач, скоростные автострады, торговые центры, супермаркеты, кафе быстрого питания, обеды быстрого приготовления. Люди начали переселяться в пригороды. Появлялись новые бейсбольные команды Высшей лиги к западу от Сент-Луиса. И водородная бомба».

Мы поделили элементы перечисления на несколько смысловых групп: предметы обихода, приспособления и приборы, изобретения, связанные с автотранспортом, места проведения досуга. А требующее разъяснения понятие «suburban sprawl» мы сочли необходимым вынести в отдельное предложение.

Подводя итоги, напомним, что методом сравнительного анализа на материале русских и английских текстов мы вывели некоторые различия в функционировании рядов ОЧП и стилистического приема перечисления в этих языках. Это лишь в очередной раз подтверждает актуальность рассматриваемой нами проблемы и доказывает то, что перечисление представляет собой переводческую трудность и требует подробного изучения.

Глава 2. Особенности передачи перечислений в переводе

Подробно о признаке структурной и семантической разнородности/однородности единиц перечисления мы говорили в разделе 1.2 («Характеристика и признаки стилистического приема перечисления»). Напомним, что под структурно-неоднородным перечислением, мы понимаем такое перечисление, которое включает в себя слова, принадлежащие к разным частям речи. Помимо слов такие перечисления могут состоять из различных синтаксических единиц – словосочетаний, назывных предложений. Также в роли элементов перечислительного ряда могут выступать и придаточные предложения.

Под семантически разнородными перечислениями мы будем понимать те ряды ОЧП, которые заключают в себе элементы, принадлежащие к различным семантическим полям или же к различным пластам лексики.

Для того чтобы лучше разобраться в особенностях передачи перечислений, обладающих признаком разнородности, при переводе, мы предложим их классификацию.

2.1 Передача перечислений в зависимости от степени структурной и семантической однородности единиц

Классификацию П. по степени структурной и семантической однородности единиц мы предлагаем изобразить в виде таблицы. В результате мы получаем четыре группы перечислений, основываясь на двух признаках: семантической и структурной однородности/разнородности элементов.

	Однородные семантически	Разнородные семантически
Однородные синтаксически	Я люблю рисовать, петь, слушать музыку.	Я люблю заниматься спортом и выдумывать небылицы.
Разнородные синтаксически	Я люблю рисовать, петь и музыку.	Я люблю заниматься спортом и страшные истории.

Итак, мы получили четыре группы перечислений. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

2.1.1 Перечисления, семантически и структурно однородные

Данная группа, пожалуй, требует минимального описания. Подобные перечисления в основном не вызывают трудностей при переводе. Тем не менее, не стоит забывать о разнице в степени экспрессивности длинных перечислительных рядов в русском и английском языках. Как мы уже отметили в проведенном нами анализе литературы, в английском языке длинные перечисления более частотны, чем в русском, а следовательно, как мы предполагаем, менее экспрессивны. Сравнительно короткие перечисления, в свою очередь, не требуют почти никаких переводческих трансформаций.

Например:

«Then she *really* started to cry, and the next thing I knew, I was kissing her all over – anywhere – **her eyes, her nose, her forehead, her**

eyebrows and all, her ears – her whole face except her mouth and all.
She sort of wouldn't let me get to her mouth» [Salinger].

При переводе сохраняется и порядок элементов перечисления, и их количество:

«И тут она расплакалась по-настоящему – и, прежде чем я мог сообразить, я уже целовал ее куда попало: в глаза, лоб, в нос, в брови, даже в уши. Только в губы не поцеловал, она как-то все время отводила губы» [пер. Райт-Ковалевой].

Рассмотрим также фрагмент из нашего перевода, где автор описывает фотографию, на которой среднестатистическая американская семья стоит на фоне продуктов питания. Стоит отметить, что в данном случае длину перечислительного ряда нужно обязательно сохранить, так как она подчеркивает то изобилие, на которое намекает автор.

«Among the items they were shown with were 450 pounds of flour, 72 pounds of shortening, 56 pounds of butter, 31 chickens, 300 pounds of beef, 25 pounds of carp, 144 pounds of ham, 39 pounds of coffee, 690 pounds of potatoes, 698 quarts of milk, 131 dozen eggs, 180 loaves of bread, and 8,5 gallons of ice cream, all purchased on a budget of \$25 a week» [Bryson].

В переводе В. Михайлова:

«Среди изображенных там продуктов 450 фунтов муки, 72 фунта добавляемых в тесто жиров, 56 фунтов сливочного масла, 31 курица, 300 фунтов говядины, 25 фунтов карпов, 144 фунта ветчины, 39 фунтов кофе, 690 фунтов картофеля, 698 кварт молока, 131 дюжина яиц, 180 буханок хлеба и 8,5 галлонов мороженого – все куплено, исходя из бюджета в 25 долларов в неделю» [пер. Михайлова].

В целом подобный перевод вполне отвечает коммуникативной функции автора, а именно, он дает нам понять, что на сравнительно небольшую сумму денег можно было купить достаточно много еды. Единственное, что стоило бы исправить, это меры измерения.

Во-первых, мы имеем дело не с абсолютно художественным текстом, а с мемуарно-публицистическим, поэтому сохранять иностранные меры для сохранения местного колорита – как это обычно бывает – не представляется необходимым. Во-вторых, несмотря на то что в сносках редакция добавила примечания, в которых написано, сколько граммов в одном фунте, русскому читателю все-таки будет понятнее, если мы переведем фунты в килограммы, кварта – в литры, дюжины – в десятки (ведь в России яйца измеряются десятками, а не дюжинами). Галлоны – меру объема – целесообразно перевести в килограммы – меру веса, так как в России на пачках мороженого указан вес, а не объем. Кроме, того перевод измерений в метрическую систему позволит нам использовать сокращения и, тем самым, сделать акцент на избытке продуктов, а не отвлекать внимание читателя на экзотические меры веса и объема.

В этом перечислении в некоторой степени произошло нарушение логики: получилось, что в число «продуктов» входили «фунты жиров». Эту ошибку можно объяснить как неудачным использованием мер веса и объема, так и неудачным выбором обобщающего слова, едва ли «фунты» можно назвать продуктами. Следовательно, необходимо подобрать менее специфическую форму обобщения.

Итак, мы предлагаем такой перевод этого же фрагмента:

«Среди всего прочего были 205 кг муки, 32 кг животного жира, 25 кг сливочного масла, 31 курица, 136 кг говядины, 11 кг карпа, 65 кг ветчины, 18 кг кофе, 313 кг картофеля, 660 л молока, 157 десятков яиц, 180 буханок хлеба и 20 кг мороженого. На покупку всех этих продуктов уходило 25 долларов в неделю».

2.1.2 Перечисления, разнородные структурно, но однородные семантически.

В проведенном выше анализе мы выявили некоторые черты английских перечислений и их отличия от русских. Говоря о данной группе структурно разнородных перечислений, напомним, что в английском языке набор частей речи, которые часто функционируют в перечислениях, шире чем в русском. То есть, в русском языке перечисляются в основном прилагательные и существительные. В то же время в английском языке в одном ряду могут идти существительные, словосочетания, герундиальные формы и так далее. Соответственно, можно сделать вывод, что при передаче подобных перечислений на русский язык, этой разнородности стоит избегать. Вариантов может быть несколько. Можно прибегнуть к членению предложения и вынести какой-либо элемент перечисления за его пределы, добавив к нему сказуемое и оформив его в отдельное предложение. Также можно попытаться заменить выбивающийся элемент на тождественный ему в семантическом плане, но совпадающий грамматически с остальными единицами ряда.

Рассмотрим несколько примеров.

«That guy had just about everything. **Sinus trouble, pimples, lousy teeth, halitosis, crumby fingernails**» [Salinger].

Это перечисление как раз можно охарактеризовать, как однородное семантически – автор описывает заболевания персонажа – и разнородное структурно перечисление. В одном ряду стоят абстрактные – *sinus trouble, halitosis* – и вещественные существительные во множественном числе, некоторые из которых имеют при себе определения – *lousy teeth, crumby fingernails*. Нетрудно представить, как комично выглядело бы такое перечисление по-русски: «гайморит, прыщи, гнилые зубы, запах изо рта, ломкие ногти».

Рассмотрим перевод Р. Райт-Ковалевой. Наиболее удачным нам кажется то, что, поскольку в тексте оригинала существует тесная связь между соседними элементами перечисления – *lousy teeth* и *halitosis*, в переводе довольно удачно удалось ввести два придаточных предложения, тем самым смягчив это разношерстное перечисление.

«Все у него было: и гайморит, и прыщи, и гнилые зубы - изо рта пахнет, ногти ломаются».

2.1.3 Перечисления, разнородные семантически, но однородные структурно

Такого вида перечисления в английской художественной литературе встречаются чаще всего, как было выявлено нами при подборе примеров для нашего исследования, и представляют наибольшую трудность при переводе. Напомним, что в таких перечислениях элементы ряда зачастую принадлежат к разным семантическим полям, то есть внутри одного перечислительного ряда могут находиться, например, существительные, обозначающие

людей, животных, названия профессий, веществ, стихийных бедствий и т.д.

Рассмотрим фрагмент из выполненного В. Гольшевым перевода романа К. Кизи «Над кукушкиным гнездом».

«All those spindles reeling and wheeling and shuttles jumping around and bobbins wringing the air with string, whitewashed walls and steel-grey machines and girls in flowered skirts skipping back and forth, and the whole thing webbed with flowing white lines stringing the factory together – it all stuck with me and every once in a while something on the ward calls it to mind» [Kesej].

Перед нами перегруженное перечисление, имеющее достаточно однородную структуру, содержащее в себе параллельные конструкции и разнородное семантически. На первый взгляд оно может показаться разнородным и в структурном плане. Но если выделить «каркас» этого перечисления, то получится следующее: *spindles, shuttles, bobbins, walls, machines, girls*. Последнее же слово – *thing* – можно охарактеризовать как обобщающее, как таковое к самому перечислению не принадлежащее. Другими словами, мы имеем дело с перечислением, состоящим из существительных во множественном числе, принадлежащим к разным семантическим полям. В одном ряду стоят веретена, челноки, катушки и девушки. Для английского языка подобный стилистический прием очень частотен. В русском же языке подобное перечисление выглядело бы нелепо и могло бы быть использовано исключительно для создания комического эффекта, то есть в русском языке мы бы назвали подобный прием силлепсисом. И так как при переводе необходимо в первую очередь сохранять коммуникативную функцию текста,

подобное перечисление следует подвергнуть трансформациям, что и сделал В. Голышев.

Данное перечисление переводчик превратил в более свойственное русскому языку сложносочиненное предложение.

«Крутились, вертелись веретена, мелькали челноки, катушки захлестывали удавками воздух, среди беленых стен, серо-стальных машин сновали девушки в цветастых юбках, сплошная паутина бегучих белых нитей стягивала фабрику в одно целое – все это засело в голове, нет-нет да и вспомнится, как погляжу на наше отделение» [пер. Голышева].

Разберем этот фрагмент подробнее. Можно заметить, что не все элементы перечислительного ряда могут играть роль подлежащего, это касается слов *whitewashed walls and steel-grey machines*. Для того, чтобы избежать их потери, переводчик поставил их в позицию обстоятельства места к одному из простых предложений – «*среди беленых стен, серо-стальных машин сновали девушки в цветастых юбках*».

Чтобы более наглядно подчеркнуть необходимость приведенных выше трансформаций при передаче перечислений третьей группы, рассмотрим и некоторые особенности передачи стилистического приема зевгмы при переводе с английского языка на русский.

Напомним, что под зевгмой в нашем исследовании мы понимаем вид перечисления, в котором два и более понятия объединены общим членом.

Проанализировав переводы нескольких художественных произведений, мы сделали вывод, что зачастую в английском языке авторы прибегают к стилистическому приему зевгмы в целях

компрессии текста, чтобы сделать высказывание более лаконичным. Подобный вывод ранее был сделан В.К. Ланчиковым, наше же исследование его лишний раз подтвердило [Ланчиков, с.6]. В таких случаях переводчику стоит проявлять особенную осторожность, так как при пословном переводе на русский такие предложения часто приобретают нежелательный комизм.

Рассмотрим несколько примеров:

«Usually I like riding on trains, especially at night, with the lights on and the windows so black, and one of those guys coming up the aisle selling coffee and sandwiches and magazines» [Salinger].

В данном английском предложении мы наблюдаем ряд однородных обстоятельств образа действия, который представляет собой разнородное семантически и однородное структурно перечисление, то есть перечисление третьей группы нашей классификации. Для английского языка подобная конструкция вполне характерна, но что будет, если мы попробуем дословно передать ее на русский язык? Получится, что главному герою нравится ездить поездом *«с включенным светом, темнотой за окнами и одним из тех ребят, которые разносят по вагону кофе, бутерброды и журналы»*. Безусловно, необходимость переводческих трансформаций в данном предложении обусловлена не только спецификой построения перечислений в английском и русском языках, но и проблемой сочетаемости (нельзя *«ездить поездом с темнотой за окнами»*). Тем не менее, данный пример как нельзя лучше подтверждает нашу гипотезу о необходимости трансформации подобных предложений.

Рассмотрим перевод Р. Райт-Ковалевой:

«Вообще я люблю ездить поездом, особенно ночью, когда в вагоне светло, а за окном темень и по вагону разносят кофе, сэндвичи и журналы» [пер. Райт-Ковалевой].

Тем самым мы видим на конкретном примере, что переводчица сделала из простого предложения сложное, а из однородных обстоятельств – придаточные предложения. Главное в данном случае помнить, что придаточные предложения в переводе должны выполнять строго ту же функцию, что и элементы перечисления в тексте оригинала, в данном случае – функцию образа действия.

Приведем еще несколько примеров для доказательства нашей гипотезы. По ним видно, что переводчики очень редко сохраняют зевгматические конструкции при передаче их на русский язык, стараясь избежать нежелательного нелепого эффекта.

«She came to the door in her sacking apron, a blacklead brush in her hand, **and a black smudge on her nose**» [Lawrence].

«Бабушка чистила плитку - обычное занятие субботним утром. Она подошла к двери: маленькая сухонькая женщина в просторном фартуке, со щеткой в руке, **на носу – сажа**» [пер. Багрова, Литвиновой].

«He came back towards teatime with a large handful of violets and lilies, **and the same hang-dog expression**» [Lawrence].

«Вернулся он к пяти часам с букетами фиалок и ландышей. **И снова - как побитый пес**» [пер Багрова, Литвиновой].

В некоторых переводах подобная конструкция ввода обстоятельств и определений подвергается полной грамматической трансформации ввиду ее нечастотности в русском языке. Например, *he was a man with beautiful hair* – «у него были красивые волосы»

«Joe was a fair man, with curls of flaxen hair on each side of his smooth face, **and with eyes** of such a very undecided blue that they seemed to have somehow got mixed with their own whites» [Dickens].

«У Джо Гарджери, светловолосого великана, льняные кудри обрамляли чистое лицо, **а голубые глаза были** до того светлые, как будто их синева нечаянно перемешалась с их же белками» [пер. Лорие].

2.1.4 Перечисления, разнородные структурно и семантически

Эта группа довольно малочисленна, в основном в английской литературе преобладают перечисления третьей группы. Особых переводческих рекомендаций подобные перечисления не требуют, к ним вполне применимы правила, предложенные нами для второй и третьей групп.

Мы лишь напомним, что прежде всего следует оценивать экспрессивность всего перечисления в целом и, руководствуясь вышеуказанными примерами, производить соответствующие трансформации при переводе на русский язык.

Рассмотрим пример из нашей практической части. Автор описывает ассортимент фотографий с различными изображениями, хранящийся в старой редакции газеты «Реджистер», в которой работал его отец. Цель – подчеркнуть, насколько их было много и насколько они были разными.

«You could look in any drawer of any filing cabinet and find real interest and excitement from the city's past: five alarm fires, train derailments, a lady balancing beer glasses on her bosom, parents standing on ladders at hospital windows talking to their polio-stricken children» [Bryson].

Оговоримся, что мы принимаем это перечисление как структурно разнородное, ввиду различия в грамматическом построении двух первых и двух последних его элементов (в первом случае «определение + существительное», во втором – «существительное + герундий».

Рассмотрим этот фрагмент в переводе В. Михайлова:

«Можно было заглянуть в любой ящик любого шкафа и увидеть много интересного и увлекательного из прошлого нашего города: пожары пятой категории, сошедшие с рельсов поезда, родители на ступеньках приставной лестницы в больнице с пострадавшими от полиомиелита детьми, дама с балансирующими на груди пивными кружками» [пер. Михайлова].

Стремление сохранить исходную форму перечисления привело к стилистическим ошибкам и смысловой неточности.

Во-первых, кружки не могут быть балансирующими, так как словарь Ушакова фиксирует только два значения глагола «баланси́ровать» – «1. на чем и без доп. Сохранять равновесие посредством телодвижений. Мне пришлось б., чтобы не упасть. Плясун балансировал на канате». 2. (сов. сбалансировать) что. Подводить баланс чему-н. (бухг.). Как видно, ни одно из них в данном случае не подходит. Стаканы сами по себе балансировать не могут.

Во-вторых, получилась путаница в ситуации с родителями. Из перевода неясно, что именно изображалось на снимках. Из текста оригинала же понятно, что родители стояли на приставных лестницах у окон больниц, чтобы поговорить со своими детьми. Для того, чтобы избежать подобных ошибок, следует разбить это

перечисление. Смысл от этого не изменится, зато текст приобретет более слаженную и понятную читателю форму.

Предложим наш вариант перевода того же фрагмента:

«Заглянув в любой ящик любого шкафа, можно было найти что-нибудь по-настоящему интересное и увлекательное об истории Де-Мойна. Чего только не было на тех фотографиях! Крупнейшие пожары и крушения поездов, девушка, удерживающая пивные кружки на груди без помощи рук. Была фотография, на которой родители, стоя на приставных лестницах у больничных окон, разговаривают со своими заболевшими полиомиелитом детьми».

Однако, не стоит забывать, что иногда автор прибегает к стилистическому приему перечисления потому, что этот прием является неотъемлемой частью его писательского стиля, и в таком случае мы, разумеется, должны стремиться этот стиль сохранить. Подтверждение этому можно найти в работах Я.И. Рецкера: «Особенно важно добиваться тождества или, если это недостижимо, хотя бы аналогичного воздействия перевода, когда подлиннику присущи некоторые специфические черты, характерные для стиля подлинника и явно противопоставленные русскому языку. Конечно, если эти черты относятся к арсеналу средств автора и являются одной из особенностей его индивидуального стиля, переводчик вынужден считаться с этим и по мере возможности их передавать» [Рецкер, с 76]. Подобных примеров, например, достаточно много у Ч. Диккенса. В своих романах он использует длинные, насыщенные перечисления, которые нельзя подвергать членению, то есть выносить в отдельные предложения, так как тем самым индивидуальный стиль писателя не будет воспроизведен в переводе.

Обратимся к примеру, который поможет нам проиллюстрировать эту мысль:

«A fearful man, all in coarse gray, with a great iron on his leg. A man with no hat, and with broken shoes, and with an old rag tied round his head. A man who had been **soaked in water, and smothered in mud, and lamed by stones, and cut by flints, and stung by nettles, and torn by briars**; *who limped, and shivered, and glared, and growled*; and whose teeth chattered in his head as he seized me by the chin» [Dickens]

«Страшный человек в грубой серой одежде, с тяжелой цепью на ноге! Человек без шапки, в разбитых башмаках, голова обвязана какой-то тряпкой. Человек, который, как видно, **мок в воде и полз по грязи, сбивал и ранил себе ноги о камни, которого жгла крапива и рвал терновник!** *Он хромал и трясся, таращил глаза и хрипел* и вдруг, громко стуча зубами, схватил меня за подбородок» [пер. Лорие].

Рассмотрим этот перевод подробнее. Разумеется, мы видим, что и тут были произведены переводческие трансформации. Мы же хотим обратить особенное внимание на то, что переводчица максимально сохранила ряды однородных членов, разбив их на пары, а не вынесла их в отдельные простые предложения. В данном случае речь идет о частях, которые мы выделили курсивом и жирным шрифтом.

Тем не менее полностью структуру исходного перечисления, опять же, сохранить не удалось, ввиду стилистических и синтаксических особенностей русского языка. Тем не менее, частичное сохранение структуры текста оригинала в данном случае представляется необходимым. При переводе подобных стилистически окрашенных фрагментов следует стараться сохранить

Работа опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/gradsya.html>

исходную форму построения предложений до тех пор, пока это не противоречит русскому синтаксису. Остальные же фрагменты должны подвергаться трансформациям, описанным нами выше.

2.2 Передача перечислений в зависимости от степени экспрессивности.

Перечисления можно разделить на экспрессивные и стилистически нейтральные. Наложить первую классификацию на вторую довольно трудно, однако некоторые соответствия выявить можно.

Напомним, как выглядит первая классификация:

	Однородные семантически	Разнородные семантически
Однородные синтаксически	Я люблю рисовать, петь, слушать музыку.	Я люблю заниматься спортом и выдумывать небылицы.
Разнородные синтаксически	Я люблю рисовать, петь и музыку.	Я люблю заниматься спортом и страшные истории.

Стоит отметить, однако, что их взаимосвязь будет неодинакова в английском и русском языках. Это связано с частотностью использования неоднородных перечислений в художественной литературе и публицистики обоих языков. Например, И.Р. Гальперин утверждает, что «такие приемы, как зевгма, оксюморон, разложение фразеологических единиц, игра словами – довольно редкое явление на страницах русских писателей XIX-XX вв» [Гальперин, с.157].

Если рассматривать частотность употребления стилистических приемов зевгмы и силлепсиса в обоих языках, то и тут можно наблюдать, что в русском языке писатели и авторы прибегают к ним довольно редко. Это неоднократно подтверждалось в различных переводоведческих работах. См.: «В русском языке употребление зевгмы не является литературной нормой и встречается крайне редко <...> В связи с этим, а также учитывая незначительную экспрессивность этого приема в английском языке, зевгма, как правило, на русский язык не передается» [Рецкер, Комиссаров, с.153-164].

Выше мы продемонстрировали проведенный нами анализ частотности употребления стилистического приема перечисления в английском и русском языках.

Соответственно, с большой долей условности можно предположить, что в обоих языках степень экспрессивности перечисления будет расти от первой группы к четвертой, но в русском языке в большинстве случаев она будет несколько выше, чем в английском. Если это предположение верно, то оно лишь в очередной раз доказывает необходимость переводческих трансформаций при передаче перечислений на русский язык.

Заключение

В нашей работе мы представили разработанную нами гипотезу о том, какими правилами стоит руководствоваться переводчику при передаче перечислений с английского языка на русский. Мы надеемся, что приведенные нами рекомендации позволят переводчикам избежать часто повторяющихся ошибок. Ввиду недостаточной освещенности данной темы в языковедческой и переводоведческой литературе, мы совершили попытку также разработать и теоретическую базу для наших рекомендаций.

Прежде всего, мы обозначили терминологию нашего исследования, в целях избежать путаницы со схожими по смыслу понятиями. Совершив обзор нескольких лингвистических работ, мы привели свои собственные определения для терминов, используемых в этой работе – «перечисление», «однородные члены предложения», «силлепсис» и «зевгма».

Так как центральным понятием нашего исследования является стилистический прием перечисления, то в последующих разделах мы провели подробный анализ его признаков, выделив как признаки, характерные для всех перечислений, так и признаки, проявляющиеся в частных случаях.

Для того, чтобы на практическом материале подкрепить наше замечание о разнице в построении и функционировании стилистического приема перечисления в английском и русском языках, мы проанализировали ряд сопоставимых аутентичных русских и английских художественных произведений.

Далее мы провели классификацию перечислений по двум признакам – семантической и структурной однородности – и в ходе рассмотрения каждого типа перечислений дали соответствующие переводческие рекомендации.

Напомним, что переводчику, прежде всего, нужно понять коммуникативную функцию перечисления и стремиться ее передать. Необходимо помнить, что функциональная целостность перечисления может выражаться как на уровне семантики, так и на уровне структуры. При наличии внутри перечисления синтаксических и/или морфологических приемов следует стремиться их сохранить настолько, насколько позволяет специфика языка перевода. Кроме того, переводчику следует стремиться к тому, чтобы экспрессивность текста оригинала и перевода была максимально одинаковой. При этом нельзя забывать о том, что наличие у перечисления признака семантической или структурной разнородности по-разному влияет на его экспрессивность в русском и английском языках. Для того чтобы сохранить исходную степень экспрессивности зачастую могут понадобиться переводческие трансформации, чаще всего, членение перечисления на отдельные предложения.

В заключение мы представили нашу гипотезу о разнице в экспрессивности перечислений различного типа в английском и русском языках и провели параллель между первой классификацией и степенью экспрессивности перечислений в русском и английском языках.

Практическая часть

Глава I

Родной город

Вчера сенатор штата Иллинойс распустил Комитет производительности и экономики «из соображений производительности и экономики». («Де-Мойн Трибьюн», 6 февраля 1955 г.)

В конце 50-х годов командование Канадских королевских ВВС выпустило пособие по статическим упражнениям, которыми ненадолго, но всерьез увлекся мой отец. Суть упражнений состояла в том, чтобы со всей силы разными частями тела давить на твердую опору, например, дерево или стену: тем самым можно укрепить различные группы мышц. И так как подходящую стену или дерево найти нетрудно, больше не нужно тратить деньги на дорогостоящие тренажеры. Мне кажется, именно это привлекло моего отца.

Беда была том, что отец тренировался в самолетах. Во время каждого полета он вдруг вставал с места, шел к аварийному выходу или в хвост самолета и, как будто собираясь сдвинуть с места тяжелый предмет, начинал напирать спиной или плечом на борт самолета, делая короткие передышки, после которых он снова решительно продолжал тренировку, приглушенно кряхтя.

Поскольку выглядело это так, словно он с непонятной целью пытался проломить дыру в борту самолета, его действия не могли не привлекать внимания остальных пассажиров. Сидящие неподалеку люди в костюмах пристально смотрели на него поверх очков. Стюардессы, выглядывая из кухни, тоже следили за его действиями,

но более настороженно, будто припоминая те уроки из курсов их профессиональной подготовки, на которых их учили, что делать в таких случаях.

Поняв, что за ним наблюдают, папа выпрямлялся и с добродушной улыбкой начинал перечислять достоинства своих упражнений. Затем, он проводил небольшую демонстрацию перед зрителями, и тут же они теряли к нему всяческий интерес. Он был на удивление неспособен чувствовать неловкость в подобных ситуациях, зато этот недостаток с лихвой восполнял я – испытывал неловкость за нас обоих. Да что там, я испытывал неловкость за остальных пассажиров, всех сотрудников авиакомпании и жителей целого штата, над которым летел наш самолет.

Вытерпеть все происходящее мне помогли два обстоятельства. Во-первых, на твердой почве мой отец себя так нелепо не вел. Во-вторых, мы летали в Детройт, Сент-Луис и другие большие города, где мы жили в многоэтажных отелях и ходили на бейсбол. Ради этого я терпел все. Мой отец писал спортивные статьи для «Де-Мойн Реджистер» – одной из лучших американских газет того времени – и часто брал меня с собой в путешествия по Среднему Западу. В небольшие города, например, Су-Сити или Берлингтон мы ездили на машине, но хотя бы раз в год мы совершали путешествие на сверкающем самолете. Тогда для меня это было целое событие. Еще бы! Мы летели по ясному летнему небу над кудрявыми облаками в город, где проходило соревнование команд Высшей бейсбольной лиги, главное событие в мире бейсбола.

Тогда все было проще, и мир бейсбола не был исключением: меня пускали вместе с отцом в раздевалки спортсменов, к скамье для

игроков и на поле до начала игры. Стэн Мьюзиал трепал меня по голове. Как-то раз я передал Вилли Мейсу мяч, вылетевший во время игры за пределы поля. Харви Кин (а может, это был Билли Хофт) однажды взял мой бинокль, чтобы посмотреть на пышногрудую блондинку на трибуне. А одним жарким июльским днем я сидел в душевой раздевалке под левой трибуной стадиона «Ригли» рядом с Эрни Бэнксом, выдающимся перехватчиком «Чикаго Кабз», пока он подписывал новые белые бейсбольные мячи, которые, кстати, так приятно пахнут, что хотя бы ради этого запаха стоило там сидеть. Поэтому я и навязался передавать ему мячи. Хотя с моей помощью дело шло только медленнее, за каждый новый мяч он говорил «спасибо» и улыбался, как будто я делал ему большое одолжение. Я не встречал человека добрее. Я словно дружил с самим Богом.

Я не могу представить времени и места, где бы люди получали большее удовлетворение от жизни, чем в 50-е в Америке. Такого процветания, как тогда, не было в истории ни одной страны. После войны в Америке осталось много накоплений и невостребованных военных облигаций на сумму 140 миллиардов долларов, а также ряд военных заводов на 26 миллиардов долларов. Кроме того, Америка совсем не пострадала от бомбардировок и не знала конкуренции с другими странами. Американским заводам всего лишь нужно было перейти от производства танков и военных кораблей к автомобилям, что и было сделано. И какой результат! К 1951 году у девяноста процентов американских семей были холодильники. Почти три четверти имели стиральную машину, газовую и электрическую плиту, пылесос и телефон, в то время как жители остальных стран обо всем этом могли только мечтать. Американцы владели 80 процентами электроприборов мира. Две

трети мирового производства было американским: мы производили более сорока процентов мирового электричества, добывали 60 процентов нефти и перерабатывали 66 процентов стали. Американцы, которых было всего пять процентов земного населения, были богаче, чем жители всех остальных стран вместе взятых.

Лучше всего изобилие того времени передает фотография, опубликованная на страницах журнала «Лайф» за две недели до моего рождения. На ней семья Чекалински из Кливленда, штат Огайо, Стив, его жена Стефани и их сыновья Стивен и Генри, сняты на фоне двух с половиной тонн еды: именно столько съедала за год американская семья среднего достатка. Среди всего прочего были 205 кг муки, 32 кг животного жира, 25 кг сливочного масла, 31 курица, 136 кг говядины, 11 кг карпа, 65 кг ветчины, 18 кг кофе, 313 кг картофеля, 660 л молока, 157 десятков яиц, 180 буханок хлеба и 20 кг мороженого. На покупку всех этих продуктов уходило 25 долларов в неделю, учитывая, что Стив Чекалински зарабатывал 1 доллар и 96 центов в час на должности экспедитора грузов на одном из заводов компании «Дюпон». На день моего внезапного появления на свет в 1951 году американец в год съедал в полтора раза больше еды, чем европеец.

Неудивительно, что люди были счастливы, ведь у них появилось то, о чем они даже не мечтали. Они не могли поверить своему счастью. Правда, мечты тогда были проще. В то время люди еще радовались новому тостеру или вафельнице. Когда кто-нибудь покупал новый прибор, он приглашал всех соседей посмотреть на него. Когда мне было около четырех лет, мои родители купили холодильник «Стор-Мор» фирмы «Амана», он, по крайней мере,

полгода был как важный гость у нас на кухне. Я уверен, что, будь он полегче, они каждый вечер, садясь ужинать, пододвигали бы его к столу. Когда к нам заходили гости, мой отец спрашивал у мамы: «Мэри, в нашем «стор-море» есть холодный чай?». Затем с важным видом добавлял: «Обычно есть. Это же «Амана Стор-Мор».

«Ого, «Стор-Мор», – отвечал гость, подняв бровь, с видом истинного ценителя охладительных систем, – мы сами подумывали купить «Стор-Мор», но все же остановились на «Филко Шур-Куле». Эллис понравился выдвижной ящик для овощей и, к тому же, в морозильник помещается целых пять килограммов мороженого, а это большой плюс для младшего Уэндела!»

Затем, дружно посмеявшись, они садились пить холодный чай и продолжали разговаривать о бытовой технике. Да уж, такого довольства жизнью человечество прежде не знало.

Тогда люди еще с нетерпением ждали будущего. В каждом журнале писали, что скоро все изменится. А именно: у нас будут новые города – под водой у каждого берега Америки – и в космосе, в гигантских стеклянных шарах. Мы будем ездить на атомных поездах и летать на реактивных самолетах. У каждого будет по ракетному ранцу. На работу все будут летать на автожирах. Появятся автомобили, которые можно будет превращать в катера и подводные лодки. Тротуары будут заменены транспортерами: добираться в школу и на работу станет легче и быстрее. Появятся машины с шарообразной крышей, которые будут ездить сами, и можно будет всем вместе – папе, маме и двум мальчикам - играть в настольные игры или махать рукой пролетающим мимо соседям на автожире. А можно просто, откинувшись на спинку сиденья, разговаривать о тех захватывающих вещах, которые были в 50-х, и которых нет сейчас:

ЭВМ, Спутник , буги-вуги коммивояжер, бриолин, радиола, битник, диск-жокей, мимеограф, твист, хула-хуп, вестерн, патефон.

Для тех, кто не мог дожидаться появления подводных городов и самоходных машин, уже существовали тысячи других, менее значительных новшеств. Возьмем, например, рекламные объявления из декабрьского номера журнала «Попьюлар Сайенс» за 1956 год. Среди всего прочего, читателю предлагалось: освоить чрево вещание, научиться правильно разделять мясо по очной или заочной форме обучения в Высшей школе мясников в Толедо, штат Огайо, стать преуспевающим разъездным точильщиком коньков, продавать огнетушители на дому, раз и навсегда избавиться от грыжи, чинить радиоприемники, конструировать радиоприемники, выступить на радио, поговорить по радио с людьми из других стран и , может даже, с других планет, улучшить характер, приобрести характер, научиться танцевать, зарабатывать, нанося фирменные логотипы на канцтовары или «делать деньги» дома, в свободное время мастера украшения для газонов и прочие безделушки.

Мой брат, который в принципе был неглуп, как-то приобрел брошюрку по чрево вещанию. И вот чему он научился: пробормотав сквозь зубы что-нибудь нечленораздельное, он тут же отходил в сторону и спрашивал: «Кто это сказал?» Позже он поверил рекламе в «Меканикс Иллюстрейтед», в которой предлагали приобрести цветной телевизор всего за 65 центов плюс оплата почтовой пересылки, и сделал заказ. Через четыре недели ему прислали полупрозрачную разноцветную пластину, которую, согласно инструкции, надо было скотчем прикрепить поверх экрана и смотреть телевизор через нее.

Поскольку деньги уже было не вернуть, мой братец отказался признаться в своем разочаровании. А потому, когда на розовую часть пластины попадало человеческое лицо, или изображение травы совпадало с зеленым фрагментом, он вскакивал с места с ликованием: «Ага! Видели? Вот каким будет цветной телевизор!» Затем он добавлял: «Ну, понятно, что его еще нужно доработать».

В действительности первый цветной телевизор появился в нашем районе только в конце 50-х, когда наш сосед по фамилии Кисслер с Сент-Джонс-роуд купил огромный «Ар-Си-Эй Виктор», жемчужину компании «Ар-Си-Эй», который стоил целое состояние. И так как, по крайней мере, еще два года своего цветного телевизора ни у кого больше не было, он считался необычайным достоянием. Субботними вечерами дети тайком пробирались на клумбы Кисслера, чтобы посмотреть сериал «Моя живая кукла» через большое окно за его диваном. Я уверен: он не знал, что вместе с ним его телевизор смотрят еще два десятка детей всех возрастов. Иначе, он бы не занимался самоудовлетворением с таким энтузиазмом каждый раз, когда Джули Ньюмар появлялась на экране. Тогда я думал, что он делал упражнения из курса статической физкультуры.

Ежегодно газета, в которой мой отец проработал сорок лет с 1945 года и до самой пенсии, отправляла его на Мировую серию игр по бейсболу. Эти поездки – лучшее, что было в его работе, все остальное не могло с ними даже сравниться. Во-первых, ему оплачивали все расходы на двухнедельное проживание в самых красочных, шумных и необычных городах Америки (а после Де-Мойна все города кажутся красочными, шумными и необычными). Во-вторых, на его глазах происходили величайшие события в истории бейсбола. Например,

он видел, как Аль Джонфриддо одной рукой поймал мяч после сильнейшего удара Джо Димаджио, великолепную игру Дона Ларсена в 1956 году, победный хоум-ран Билла Мазероски в финале Мировой серии 1960 года. Я знаю: в наши дни эти имена никому ни о чем не говорят, но тогда эти события заставляли трепетать всю страну.

Тогда игры Мировой серии проходили в первой половине дня, поэтому, чтобы посмотреть игру, приходилось прогуливать школу и выдумывать подходящую инфекцию. Например: «Представляешь, мам, наш учитель сказал, что в школе ходит туберкулез!» Медленно, но верно у каждого включенного радио или телевизора собиралась толпа. Всякий раз, когда и мне удавалось увидеть кусочек игры, хотя бы пол-иннинга, у меня захватывало дыхание. А если получалось посмотреть какой-либо ключевой момент игры, он запоминался на всю жизнь. Моему отцу всегда удавалось застать такие моменты. Особенно стоит отметить случай во время плодотворного, в прямом и переносном смыслах слова, сезона 1951 года, откуда и берет начало эта книга.

Во время Чемпионата Национальной лиги, одного из двух основных подразделений Высшей лиги (второе – Американская лига), «Бруклин Доджерс» уверенно шли к победе, как вдруг в середине августа их соперники из того же города «Нью-Йорк Джайентс» совершили невозможное и начали свирепо бороться за победу. Вопреки всеобщим ожиданиям, «Джайентс» стали выигрывать игру за игрой. К последнему периоду чемпионата они выиграли тридцать семь игр из сорока четырех, тем самым сравнявшись с доселе недостижимыми «Доджерс», у которых, казалось, не оставалось никаких шансов. В середине сентября люди

только и говорили о том, выстоят ли «Доджерс» в этом поединке. Некоторые даже теряли сознание от перевозбуждения. Команды сражались не на жизнь, а на смерть, и закончили чемпионат с равным количеством побед, после чего наспех были организованы три финальные игры, чтобы определить, кто же будет играть против чемпионов Американской лиги в Мировой серии. Газеты из отдаленных городов, в том числе и «Де-Мойн Реджистер», не стали отправлять репортеров на эти незапланированные игры до начала Мировой серии, а пока решили следить за событиями по телеграфу.

Эти три дополнительные игры на три дня продлили и без того невыносимые мучения болельщиков. Команды закончили первые две игры с равным счетом и, таким образом, третья стала решающей. Ни с того ни с сего «Доджерс» обрели былую силу и несокрушимость. В предпоследней партии они опередили соперников со счетом 4:1. До победы им оставалось три аута. Но «Джайентс» в ответ отбили еще два мяча, поставив еще двух перебежчиков на базы. И тогда Бобби Томпсон из Глазго (если вы из Шотландии - гордитесь) совершил свой триумфальный удар. Этот удар на закате дня неоднократно был признан величайшим моментом в истории бейсбола.

Один из болельщиков написал: «Подающий команды «Доджерс» Ральф Бранка совершил такую подачу, что она вошла в историю. К сожалению, она вошла в историю победы не его команды. Бобби Томпсон, получивший прозвище «Летучий Шотландец», отбил подачу Бранки за пределы поля, а потом произошел победный хоум-ран команды. Этот удар был таким неожиданным и таким внезапным, что болельщики на миг замолчали. Затем, когда все осознали, что произошло чудо, двухъярусные трибуны стадиона «Поло Граундс», построенные

полвека назад, задрожали. «Джайентс» выиграли звание чемпиона, одержав самую немислимую победу в истории бейсбола».

Автором этих слов был мой отец, который неожиданно оказался на трибунах в момент славы Томпсона. Одному Богу известно, как ему удалось уговорить редакцию «Де-Мойн Реджистер», знаменитую своей скупостью, отправить его за 1800 километров из Де-Мойна в Нью-Йорк ради той решающей игры. Это шло вразрез с политикой этого издательства, издавна отличавшегося особой бережливостью. И уж совсем непонятно, как он умудрился в последний момент получить нужные документы и найти себе место в ложе прессы.

Но ему суждено было быть там. Так было предписано судьбой. Я не то, чтобы хочу сказать, что Бобби Томпсон так удачно отбил тот мяч, потому что там был мой отец или он бы его не отбил, не будь там моего отца. Я лишь говорю, что мой отец был на той игре, что Бобби Томпсон отбил тот мяч, что «Джайентс» одержали победу, и что все сложилось именно так, а не иначе.

Мой отец остался на Мировую серию, в которой «Янкис» с легкостью выиграли у «Джайентс» в шести играх— большего волнения страна бы уже не пережила — затем вернулся к своей привычной спокойной жизни в Де-Мойне. Месяц спустя, холодным снежным днем, в больнице «Мёрси» его жена без особой суеты родила мальчика: это был их третий ребенок, второй сын, первый супергерой. Они назвали его Уильям в честь отца, но звали просто Билли, пока он не вырос и не попросил их больше так его не называть.

Не считая лучшего хоум-рана и рождения супергероя, 1951 год был не особо богат событиями. Президентом был Гарри Трумэн, затем его сменил Дуайт Эйзенхауэр. Боевые действия в Корее были в полном разгаре, и дела у американской армии шли неладно. Джулиуса и Этель Розенберг обвинили в шпионаже в пользу СССР, и вынесли им смертный приговор по делу, которое стало печально знаменитым на весь мир. Но казнили их не сразу – два года они сидели в тюрьме. В городе Топика, штат Канзас, мирный чернокожий житель Оливер Браун подал иск против городского школьного совета за то, что его дочь должна была ходить в школу для негров, которая находилась в двадцати одном квартале от их дома, хотя всего в семи кварталах была прекрасная школа для белых. Дело, вошедшее в историю как «Браун против Совета по образованию», имело самые масштабные последствия – изменение законодательства, хотя за стенами суда о нем узнали только через три года, когда дело дошло до Верховного суда США.

В 1951 году население США составляло 150 миллионов человек, сейчас эта цифра выросла почти вдвое, в четыре раза меньше было машин. Мужчины почти повсеместно носили галстуки и шляпы. Полуфабрикатов не было, и женщины практически все готовили сами. Молоко приносили молочники. Почтальоны разносили почту пешком. Государственные расходы составляли всего 50 миллиардов долларов в год по сравнению с нынешними 2500 миллиардами.

Пятнадцатого октября вышел сериал «Я люблю Люси», а следом ним в декабре дебютировал «поющий ковбой» Рой Роджерс. Той же осенью в Оук-Ридж, штат Теннесси полиция задержала подростка по подозрению в хранении наркотиков. У него нашли

необычный порошок коричневого цвета. Но в скором времени его отпустили, как только выяснилось, что этот порошок был новым продуктом – быстрорастворимым кофе. Но на этом список новинок не заканчивался. Постепенно в наш обиход стали входить новые изобретения и продукты: шариковые ручки, контактные линзы, кредитные карты, электрические открывалки, измельчители отходов, посудомоечные машины, домашние кондиционеры, магнитофоны, переносные проигрыватели, долгоиграющие пластинки, электроусилители руля, автоматические коробки передач, скоростные автострады, торговые центры, супермаркеты, кафе быстрого питания, обеды быстрого приготовления. Люди начали переселяться в пригороды. Появлялись новые бейсбольные команды Высшей лиги к западу от Сент-Луиса. И водородная бомба. Микроволновку уже изобрели, но весила она полтонны. А вот реактивные самолеты, застежки-липучки, транзисторные радиоприемники и компьютеры, которые не были размером с дом, появились несколько позже.

Люди постоянно думали об угрозе ядерной войны. Пятого декабря улицы Нью-Йорка таинственно опустели на целых семь минут. Как было впоследствии написано в журнале «Лайф», в городе проходила «самая масштабная учебная тревога за всю Ядерную эпоху». Завыли тысячи сирен, люди ринулись – на самом деле пошли прогулочным шагом, иногда позируя перед камерами – в специально обозначенные укрытия, а укрытием служило любое более или менее крепкое здание. На фотографиях «Лайф» Санта Клаус с доброй улыбкой выводил детей из универмага «Мейсиз», из парикмахерских

выходили мужчины с пеной на лице и парикмахеры. Из фотостудий, дрожа от холода и изображая испуг, выходили пышные модели в купальниках, уверенные в том, что лишняя фотография в «Лайф» их карьере не помешает. Единственными, кого освободили от участия в этом обучении, были люди, обедающие в ресторанах. И понятно почему: нью-йоркцы, покинувшие ресторан, не расплатившись, вряд ли бы вернулись обратно.

Что касается Де-Мойна, то там самым серьезным происшествием стала полицейская облава в старом отеле «Каргил». Они искали девять проституток. Нелегко им пришлось! В полночь восемьдесят полицейских осадили здание и начали поиски, но жительниц отеля нигде не было. И только после шестичасовых поисков, произведя точные расчеты здания, они обнаружили скрытую нишу в стене на втором этаже, где прятались девять до смерти напуганных полуголых девиц. Их задержали за проституцию и оштрафовали на тысячу долларов каждую. Вот интересно: проявила ли бы полиция такое же усердие в поиске девяти полуголых мужчин?

Восьмого декабря 1951 года в центральной части Айовы было холодно. Прошло ровно десять лет с того момента, как Америка вступила во Вторую мировую войну, а десять лет и один день назад Япония нанесла удар по американской военно-морской базе «Перл-Харбор». Температура была минус два днем, шел небольшой снег, облака сгущались: с запада приближалась снежная буря. К населению Де-Мойна, которое составляло 200 тысяч, человек прибавилось еще десять – семь мальчиков и три девочки – а убавилось только двое.

Страна была в преддверии Рождества. Новогодняя реклама так и светилась благополучием. Особо популярны были коробки сигарет, украшенные остролистом и разные электроприборы. Так же часто рекламировали всякие приспособления. Мой отец подарил маме механический измельчитель льда, чтобы делать ледяную стружку для коктейлей. На самом же деле было так: ты усиленно крутишь рукоятку, и через двадцать минут идеально ровные кубики льда превращаются в лужицу. Использовали его только один раз – в 1951 году на Новый год – но зато он служил достойным украшением кухни чуть ли не до 80-х.

Однако, среди красочных реклам, улыбок и счастливых лиц, были и беспокойные ноты. Той осенью в журнале «Ридерз Дайжест» была опубликована статья под заголовком «Кто формирует сознание вашего ребенка?» – ответ автора: однозначно учителя с коммунистическими взглядами. Случаи заболевания полиомиелитом настолько участились, что даже в журнале об интерьере «Хаус Бьютифул» напечатали статью о том, как уберечь ребенка от этой болезни. Среди прочих бесполезных советов рекомендовалось не хранить еду открытой, не сидеть в холодной воде или мокром купальнике, больше отдыхать и, кроме того, «с осторожностью выбирать друзей».

В декабре журнал «Харперз» поднял безрадостную тему экономики, опубликовав статью Нэнси Мэвити о пугающем феномене – семье, где, в стремлении жить на широкую ногу, работают оба супруга. Мэвити беспокоило не то, как женщины будут справляться с работой, ведь на них и так куча домашних дел и воспитание детей, а то, что станет с традиционным образом мужчины-кормильца. «Как может уважающий себя мужчина

позволить жене работать!» - едко подметил какой-то мужчина, и по общему тону статьи было понятно, что, по мнению Мэвити, читатели должны были с ним согласиться. Стоит отметить, что до войны большинство американок просто не могли работать, даже если хотели. Вплоть до 1941 в двадцати четырех штатах законом было запрещено брать на работу замужних женщин.

В этом отношении мой отец был достоин похвалы: он был человеком широких взглядов, так как деньги, которые зарабатывала его жена, не могли его не радовать. Как и он, мама вела колонку «Дизайн интерьера» в «Де-Мойн Реджистер», в которой она сообщала домохозяйкам, вошло ли в моду постельное белье с орнаментом «индийский огурец», какие подушки в моде – квадратные или круглые – и даже не устарел ли их дом в целом. В своей последней статье до того, как уйти в декрет, она написала: «Одноэтажные домики все еще в моде». Наверное, прочитав это, жители западных пригородов облегченно вздохнули.

Именно потому, что родители оба работали, мы жили лучше, чем многие люди нашего класса – а в 1950-х в Де-Мойне почти все были из одного класса. У нас – у меня, моего брата Майкла, моей сестры Мэри и наших родителей – и дом, и участок были больше, чем у большинства папиных коллег. Наш дом – белый с черными ставнями и большой застекленной террасой – стоял на вершине тенистого холма в лучшей части города.

Мои брат и сестра были значительно старше меня: сестра на шесть лет, брат на девять. Поэтому мне они казались уже совсем взрослыми. Когда я был совсем маленьким, они вечно где-то пропадали. До девяти лет я жил в одной комнате с братом. Мы неплохо уживались. Мой брат постоянно болел – то простуда, то

аллергия – и поэтому у него было с полтысячи носовых платочков. Сначала он в них щедро сморкался, а потом распахивал по всему дому – под матрас, между диванными подушками, за шторы. Когда ему исполнилось восемнадцать, он уехал учиться на журналиста в Нью-Йорк и так там и остался. После этого комната была в моем распоряжении, но даже в старших классах я повсюду находил его платочки.

Единственным минусом того, что мама работала, было то, что у нее почти не оставалось сил на домашние дела, особенно на готовку, в чем она и так, прямо скажем, не была сильна. Она вечно не успевала приготовить ужин и, к тому же, была жутко рассеяна. Мы уже были научены: где-то без десяти шесть держись подальше от двери, так как вот-вот в дом влетит мама, на ходу закинув что-нибудь в духовку, и убежит доделывать тысячу домашних дел, каждый вечер ждавших ее дома. Естественно, чаще всего она забывала про ужин в духовке и вспоминала ровно на минуту позже того, когда было слишком поздно. Как правило, именно по звуку взрывающейся картошки в духовке мы понимали, что ужин готов.

Это была не кухня, а какая-то пожарная часть!

«Немного подгорело», - каждый раз извинялась мама, положив на тарелку кусок мяса, который больше был похож на жертву пожара. Затем она добавляла: «Но я соскребла то, что подгорело», явно не давая себе отчета в том, что «тем, что подгорело» был весь кусок.

К счастью, это устраивало моего отца. Его язык воспринимал только два вкуса: горелой пищи и мороженого. Поэтому, мамина стряпня папе подходила: она была достаточно черной, и от ее запаха не текли слюнки. Их брак на самом деле был заключен на небесах,

ибо ни у кого так не подгорала пицца, как у мамы, и никто с таким аппетитом ее не ел, как папа.

Чтобы не отставать от моды мама стопками покупала журналы об интерьере: «Хаус Бьютифул», «Хаус энд Гарден» и прочие. Я прочитывал их от корки до корки, отчасти потому что они лежали по всему дому – а в нашей семье все свободное время уходило на чтение – и отчасти оттого, что в них описывалась жизнь, так не похожая на нашу. Домохозяйки из журналов были такими собранными, организованными, они идеально готовили... Да что там! Вся их жизнь была идеальна. Они готовили в красивой одежде. На потолке над духовкой не было черных кругов, из оставленных на плите кастрюль не лезла какая-нибудь липкая гадость. Им не нужно было говорить детям отойти, когда они открывали свою же духовку. А что они готовили! Торты с безе, жареного омара, курицу в томатном соусе. О таких яствах мы и мечтать не могли, не говоря уже том, что в Айове их было не найти.

Как и большинство жителей Айовы в 50-х, мы выбирали еду с великой осторожностью. На самом деле, так делали почти все американцы. Дункан Хайнз, выдающийся кулинарный обозреватель того времени, автор бестселлера «Кулинарный путеводитель», сам был очень разборчив в еде и с гордостью заявлял, что он изо всех сил старался избегать блюд с французскими названиями. Помимо этого, Хайнз жутко гордился тем, что он никуда не выезжал из США целых семьдесят лет – в семьдесят он впервые поехал в Европу. Ему почти ничего там не понравилось, особенно не понравилась еда.

Что касается нас, то всякий раз столкнувшись с непривычной или незнакомой нам едой – в самолете, в поезде или в гостях у хозяйки родом не из Айовы – мы аккуратно переворачивали ножом

каждый кусочек, и внимательно рассматривали его со всех сторон, чтобы понять, не отравлен ли он. Однажды в Сан-Франциско друзья моего отца затащили его в китайский ресторан. Приехав домой, он поделился с нами впечатлениями в таких ужасающих тонах, будто он там чуть не умер.

–Представляешь, они едят палочками, – рассказывал он со знанием дела.

–Кошмар! – отвечала мама.

–Я лучше гангреной заболею, чем опять пойду в китайский ресторан, – добавлял хмуро отец.

Итак, вот список продуктов, которые мы не ели: макароны, рис, сливочный сыр, сметану, майонез, лук, чеснок, солонину, бастурму, салями, а также любые иностранные блюда, кроме французских тостов. Хлеб мы ели только белый с большим количеством разрыхлителей, из специй использовали только соль, перец и кленовый сироп. Рыбное филе должно было быть строго прямоугольной формы в ярко-рыжей панировке, и то рыбу мы ели только по пятницам, когда мама вспоминала, что была пятница, что случалось нечасто. Супы – только от «Кэмпбелл», да и то не все. Наконец, мы избегали любой пищи, выращенной и приготовленной на огороде, которой когда-либо питались негры и фермеры. Например, кукурузный хлеб, или суп из стручков бамии.

Все остальное – карри, кускус, йогурт, капусту, пармскую ветчину, сыр, который не был ярко-желтым и блестящим как пластмасса – или еще не изобрели, или изобрели, но мы об этом не знали. На самом деле мы были на редкость отсталыми. Я помню, как я удивился, когда уже взрослым я узнал, что коктейль из креветок это не алкогольный напиток с креветкой в бокале.

И завтрак, и обед, и ужин состояли из остатков. У мамы был неиссякаемый запас еды, которую она уже подавала на стол, порой даже не один раз. Кроме скоропортящихся молочных продуктов, все содержимое холодильника было старше меня, иногда даже намного. Самым древним продуктом у нее был консервированный фруктовый пирог, оставшийся еще с колониального периода. Смею предположить, что где-то в 1940 году мама приготовила еду на всю жизнь вперед, чтобы потом каждый день с удивлением выуживать из холодильника что-то новенькое. Она никогда не выбрасывала еду, следуя простому правилу: если от запаха еды у тебя не перехватывало дыхание, и ты не отскакивал в сторону, ее можно было есть.

Мои родители выросли во время Великой депрессии, и ни один из них никогда не выбрасывал то, что еще могло пригодиться. Мама всегда мыла и сушила одноразовые тарелки и расправляла использованную фольгу. Каждая недоеденная крошка шла в следующее блюдо. Весь наш сахар был в виде пакетиков, тайком принесенных из ресторанов. Так же мы уносили с собой конфитюр, джем, крекеры – устричные и соленые – кетчуп и прочие соусы, масло, салфетки, иногда даже пепельницу – в общем, все, что приносил официант. Самым счастливым моментом в жизни родителей был тот день, когда кленовый сироп стали подавать в маленьких пакетиках, и они смогли прибавить его к домашним запасам.

Под раковиной мама держала великое множество банок, одну из них мы называли «пусилка». В нашей семье «пусикать» значило «писать». Когда я был маленьким, пусилка шла в ход всякий раз,

когда кому-то прямо перед выходом вдруг приспичит в туалет. Разумеется, этим «кем-то» был самый младший из нас, то есть я.

«Ну что ж, придется тебе сходить в пусилку», - говорила мама нетерпеливо, с беспокойством поглядывая на часы. Лишь спустя какое-то время я понял, что пусилкой далеко не всегда была одна и та же банка. На тот момент меня это не очень волновало, так как я думал, что мама просто каждый раз выбрасывала старую пусилку и заменяла ее чистой.

Вот и представьте себе мое омерзение, плавно перерастающее в ужас, когда, открыв холодильник чтобы положить себе еще персиков в сиропе, я понял, что все мы ели из банки, в которую несколько дней назад я справил нужду. Я узнал ее сразу: клочки стертой этикетки на ней были похожи на латинскую букву «Z», которая так напоминала знак Зорро. А я точно помнил, как на радостях вслух отметил это совпадение, после того, как наполнил банку своими соками. Разумеется, никто меня не послушал. А теперь в банке был компот из персиков. Как я был поражен! Даже фотографии, на которых мою маму застали на месте преступления, скажем, с автозаправщиками не удивили бы меня больше.

– Мам, – сказал я, входя в столовую и показывая ей свою находку, – это же моя пусилка!

– Что ты, солнышко, – невозмутимо ответила она, не поднимая глаз. – Пусилка – это особенная баночка.

– Что такое пусилка? – удивленно спросил папа, кладя персик в рот.

– Это банка, в которую я пускаю. И ты сейчас ешь из нее персики.

– Билли что, пусикает в банку? – спросил папа немного неразборчиво, так как он перестал жевать персик, который только что положил в рот, и ждал продолжение его истории, от которой будет зависеть дальнейшая судьба фрукта.

– Ну, бывает, – ответила мама.

Мысли папы окончательно зашли в тупик, но с полным ртом компота он не мог произнести ничего внятного. Наверное, он пытался спросить, почему я не ходил в туалет на втором этаже, как все нормальные люди. При тех обстоятельствах вопрос был вполне уместен.

– Просто иногда мы очень торопимся, – начала тихо объяснять мама, – для этого под раковиной у меня есть банка – именно для этой цели.

Я сбегал к холодильнику и притащил еще банок: столько, сколько смог унести.

–Я точно помню, что и в эти я тоже писал.

–Не может быть, сказала мама. Но звучала она уже гораздо менее уверенно. Затем, не подумав о возможных последствиях, она добавила:

– В любом случае, я тщательно ополаскиваю все банки, перед тем, как что-нибудь в них положить.

Папа встал и пошел на кухню. Там он наклонился над мусоркой и выплюнул персик вместе с сиропом и литром сока. Наконец, он сказал:

– Мне кажется, с пусилкой пора завязывать.

Итак, с пусилкой было покончено. Но, как говорится, все, что ни делается – все к лучшему. После этого, стоило маме сказать, что у нее в холодильнике в одной из банок было что-то вкусненькое, как у

папы тут же возникало непреодолимое желание сходить всей семьей в кафе «Бишопс». Лучше и быть не могло, ведь «Бишопс» – это лучший ресторан всех времен.

Все в нем было превосходно: еда, незатейливый интерьер, заботливые официантки в серой форме. Они помогали донести поднос до стола. Если тебе не нравилось, как выглядит твоя вилка, они с улыбкой приносили другую. На каждом столе была маленькая лампочка, и, чтобы позвать официантку, всего лишь нужно было включить ее. Тебе не приходилось вертеть головой и махать руками. Просто включаешь свой маячок, и уже через минуту появится официантка и спросит, что тебе нужно. Вот молодец тот, кто это придумал!

В туалетах «Бишопс» были атомные унитазаы. Таких не было больше нигде в мире. Когда спускаешь воду, сиденье автоматически поднимается в специальное углубление в стене, где его окутывает теплый свет фиолетовой лампы, которая гудела как медицинский прибор, изготовленный по последнему слову техники, затем теплое сиденье мягко опускается на место, уже абсолютно стерильное, уютное и прямо-таки излучающее атомную термолюминесценцию. Одному Богу известно, сколько жителей Айовы умерло от необъяснимых случаев рака ягодиц за те двадцать лет, но эти туалеты стоили каждой пострадавшей попы. Мы даже водили гостей из других городов на экскурсию в туалет «Бишопс» чтобы показать им атомные унитазаы. И все в один голос твердили, что лучше этих туалетов они не встречали.

Собственно говоря, большинство вещей в Де-Мойне в 50-х были лучшими в своем роде. Наше банановое суфле из «Тоддл Хаус» было самым нежным. А как оно таяло во рту! То же самое мне

рассказывали и о чизкейке из «Джонни и Кейс», но сам я там не был. Дело в том, что мой папа чувствовал себя крайне неудобно в приличных ресторанах, и кроме того был уж очень экономным. Именно по этим двум причинам мы ни разу не были в том изысканном ресторанчике на Флер-драйв, единственном достойном заведении во всем Де-Мойне.

У нас было кафе «Ридз» – роскошный дворец мороженого с прохладным залом – где продавали самый вкусный шербет самых ядовитых цветов. Недалеко от него в парке «Гринвуд» располагался бассейн «Эшворс» – самый красивый и радующий глаз бассейн в мире с самыми стройными и загорелыми спасательницами. А в парке были лучшие теннисные корты, прекраснейший пруд и самые живописные просеки.

Пожалуй, нет ничего лучше, чем ехать из бассейна «Эшворс» через парк «Гринвуд» под зеленым шатром из листьев, ощущать приятный запах хлора на коже и представлять, как через несколько минут ты с аппетитом набросишься на долгожданные три шарика тягучего мороженого в «Ридз».

В «Барбараз Бейк Шоп» делали самую вкусную выпечку, в ресторане «Кантри Джентльмен» готовили самые аппетитные ребрышки и курочку с самой хрустящей корочкой – просто пальчики оближешь. В придорожном кафе «Джордж Король Чили» были лучшие гамбургеры, после которых круче всего пукалось – гамбургер съедаешь за несколько минут, а пукаешь потом всю жизнь.

В Де-Мойне были свои универмаги, рестораны, магазины одежды, супермаркеты, аптеки, магазины бытовой техники,

цветочные магазины, кинотеатры, бистро... В общем, там было все, что душе угодно – и все они были лучшими в мире.

Но, если посмотреть правде в лицо, кто докажет, что они были лучшими? Для этого нужно объездить тысячи городов и штатов и перепробовать все мороженое, все шоколадные торты и много всего прочего, ведь в каждом городе свои особенности. В этом и была прелесть того времени, когда еще почти не появились международные сети ресторанов и магазинов. Может, заведения в Де-Мойне и не были лучшими, но зато они были только в Де-Мойне, и других таких не было ни в одном городе.

И все-таки они были лучшими в мире.

Неподалеку от нашего дома находился супермаркет «Дал», в котором был «Детский дворик» – игровая площадка, придуманная гением. Он представлял собой уютное местечко, стилизованное под ферму, с огромным количеством комиксов. Там мамы могли оставить своих детей, пока сами ходили за продуктами. В 50-х годах в Америке комиксы печатались огромными тиражами – только в 1953 г. вышел миллиард экземпляров. В «Детском дворике» был почти полный ассортимент – он был битком набит комиксами. Чтобы войти туда, нужно было забраться на ограждение, нырнуть в это бумажное море, а затем пробраться сквозь толщи журналов к середине комнаты. Тебе было абсолютно все равно, сколько мама торчит в магазине, всех комиксов за раз все равно не перечитаешь. Казалось, некоторые дети в «Детском дворике» живут. Иногда, в поисках последнего выпуска, скажем, «Резинового человека», под завалом журналов можно было найти ребенка, который или крепко спал, или просто наслаждался приятным запахом типографской краски. Ни одно заведение еще не придумало для детей ничего

лучше. Человек, который создал «Детский дворик», сейчас безо всякого сомнения в раю. Жаль, что ему не вручили Нобелевскую премию.

«Детский дворик» не единственное чудо супермаркета «Дал». В обычном магазине ты платишь за продукты, их укладывают в бумажные пакеты, а дальше сам тащи их до машины. А в «Дал» можно было отдать их вежливому человеку в белом фартуке, взамен получая пластиковый номерок. Он клал продукты на специальный наклонный конвейер, который уносил их через дверцу в недра земли по таинственному темному проходу. Затем забираешь машину и подъезжаешь к небольшому кирпичному зданию на другом конце автостоянки, где-то в тридцати метрах от супермаркета. Там другой такой же вежливый человек в белом фартуке выдавал тебе слегка помятые пакеты с продуктами, которые после подземных приключений приобрели несколько иной вид, забирал номерок и желал хорошего дня. По правде говоря, особого удобства эта система не приносила – у пресловутого кирпичного здания часто выстраивалась длинная очередь машин, после путешествия на трясущемся конвейере все газированные напитки на полдня становились взрывоопасными – но, тем не менее, покупателям она нравилась.

Так было с любым заведением Де-Мойна. Куда бы ты ни пошел, везде находилось что-то необычное и привлекательное. В центральном универмаге «Нью-Ютика» от каждой кассы отходила пневматическая трубка. Деньги за покупку кассир клал в контейнер, а контейнер – в трубку, по которой он со свистом переносился в центральную кассу – настолько важно было как можно быстрее

пересчитать деньги и отправить в оборот. Сходить в «Нью-Ютику» было, словно слетать в будущее.

Во «Фрэнкельз», магазине мужской одежды в центре на Локуст-стрит, огромная лестница вела на второй этаж. Гулять по нему было одно удовольствие. Отчасти он напоминал корабельную палубу, только гораздо интереснее: вместо того, чтобы смотреть вниз на скучные волны, ты наблюдал за тем, как делают покупки мужчины, слушал их разговоры, разглядывал макушки. Я чувствовал себя настоящим шпионом в надежном укрытии. К тому же меня мало волновало, если папа примерял пиджак слишком долго, или показывал статические упражнения продавцам.

«Хорошо», – великодушно отвечал я со своего пункта наблюдения: «я тогда еще раз тут все осмотрю».

С точки зрения возвышенных удовольствий еще лучше был «Шопс Билдинг» на Уолнат-стрит – восьмиэтажный деловой центр, построенный в стиле, отдаленно напоминавшем мавританский. В холле первого этажа находилась всем знакомая кофейня, над которой возвышался центральный атриум, высотой во все восемь этажей. По его периметру располагались длинные галереи и лестница. Каждый мальчик мечтал подняться по этой лестнице на верхний этаж.

Но пробраться на лестницу было непросто: чтобы миновать управляющую кофейни, злобную тетку с орлиным взором нужна была сноровка и ловкость. Ее звали миссис Мазгроув, и она ненавидела мальчишек – сейчас поймете, за что именно. Но если выбрать нужный момент, когда она смотрит в другую сторону, то можно в два прыжка добраться до лестницы и взбежать на темный и до жути высокий верхний этаж. Оттуда с высоты птичьего полета можно было посмотреть на посетителей кофейни. Дальше – самое

интересное. Если у тебя с собой были конфеты – особенно для этой цели

годились

«эм-энд-эмс» с арахисом ввиду их гладкой аэродинамической формы – их можно было кинуть вниз с высоты восьмого этажа. Я вам так скажу: орешек, упавший с высоты в двадцать метров в томатный суп, создает о-го-го какой всплеск!

У тебя была только одна попытка, ведь если промажешь, и твой снаряд упадет на стол – чаще всего так и было – он эффектно разлетится на тысячу шоколадных осколков, чем вызовет неподдельное удивление посетителей и станет сигналом к действию для миссис Мазгроув. Она взлетит вверх по лестнице со скоростью падающего вниз «эм-энд-эмса», и у тебя будет около пяти секунд, чтобы вылезти через окно на пожарную лестницу, а оттуда на улицу.

Крупнейшим коммерческим предприятием в Де-Мойне был «Янкер Бразерз», или просто «Янкерз» – главный универмаг в центре города. Он был огромен и состоял из двух зданий, разделенных небольшим проездом на уровне первого этажа. А вы можете назвать магазин, в котором по пути от отдела одежды до отдела косметики можно попасть под машину? Вероятно, таких больше нет нигде. Кроме того, на другой стороне улицы находилось еще одно здание «Янкерз» – «Товары для дома», там продавали мебель. Попасть в него можно было по подземному переходу, проходящему под Восьмой улицей, через отдел постельного белья. Почему-то всем нравилось именно то, что заходишь ты в магазин с восточной стороны Восьмой улицы, а выходишь на западной. Приезжие специально заходили в «Янкерз», чтобы пройти по переходу и, выйдя на другой стороне, сказать: «Ого! С ума сойти!»

В Айове не было более красивого, более современного места с более безукоризненным сервисом, чем «Янкерз». Его штат составлял более тысячи человек. Именно там появились первые в Айове эскалаторы – тогда их называли «электрическими лестницами» – и первые кондиционеры. Легко и гладко вращающиеся двери, плавно скользящие эскалаторы, почти бесшумные лифты, в каждом из которых был лифтер в белых перчатках – все это как будто специально заманивало покупателей внутрь магазина, где они с удовольствием тратили деньги на разнообразные покупки. «Янкерз» был настолько громадным и запутанным, что практически ни один человек точно не знал всех его отделов. Книжный отдел располагался на скрытом от посторонних глаз балкончике, попасть туда можно было по узенькой лестнице. Об этом уютном местечке знали только ярые книголюбы. Книжный отдел в «Янкерз» был одним из лучших в городе, правда, некоторые люди, которые родились и выросли в Де-Мойне в 50-х, даже не знали, что в «Янкерз» продавались книги.

Но святая святых в «Янкерз» была чайная. Туда ходили заботливые мамы с дочерьми, чтобы с изяществом отдохнуть от покупок. Чайная несколько меня не интересовала, пока моя сестра в разговоре не упомянула о некой ее особенности. Оказывается, там всем детям на память дарили по маленькому подарочку, завернутому в белую бумагу с ленточкой, который можно было самому наугад достать из деревянной коробки. Как-то раз сестра отдала мне доставшуюся ей игрушку, которая не очень ей понравилась – металлическую карету с лошадками. Карета была всего семь сантиметров в длину, но как была сделана каждая деталь! Двери открывались и закрывались, колеса вращались, крошечный кучер

держал тоненькие железные вожжи. Игрушку, очевидно, за гроши вручную раскрашивал какой-то трудолюбивый бедняга из потерпевшей поражение страны по другую сторону Тихого океана. У меня никогда не было настолько восхитительной игрушки! Я даже ни у кого такой и не видел.

После этого я целыми днями, не переставая, упрашивал маму и сестру взять меня с ними в чайную, на что они всякий раз невнятно объясняли, что чайная им разонравилась, и что столько всего надо было купить, что времени на чай просто не было. Только спустя несколько лет я узнал, что на самом деле они ходили туда каждую неделю. Походы в чайную были одним из тех сокровенных женских дел – как, например, менструация и примерка лифчиков – в которых папам и сыновьям не место. Но однажды, когда мне исполнилось восемь или девять – точно не помню – лет, мы с мамой пошли в «Янкерз» без сестры, и тогда она спросила меня: «Ну что, пойдём в чайную?»

С тех пор больше ни одно приглашение не было настолько долгожданным, я не раздумывал ни минуты. Мы поднялись на лифте на этаж, о существовании которого я даже не подозревал, и зашли в чайную. Как же там было красиво! Как будто парадный зал Букингемского дворца каким-то чудесным образом оказался в Айове. Обстановка была спокойной и строгой, интерьер – изысканным. Играла тихая классическая музыка, слышалось постукивание приборов о фарфор и звук медленно наливаемой воды в стаканы. Разумеется, меня мало волновала еда. Я никак не мог дождаться, когда же я подойду к деревянной коробке и выберу игрушку.

Когда мой час настал, я долго не мог выбрать. Каждый сверточек был белым и красивым, все они так и просились в руки.

Наконец, я выбрал средний по весу и по размеру подарок. Я осторожно потряс его, раздался приглушенный стук, и мне показалось, что там лежит что-то металлическое. Сев на место, я аккуратно развязал ленточку. Внутри был маленький пупсик – маленький индеец в заплечной сумке для ношения ребенка. Игрушка была сделана безукоризненно, но однозначно была девчачья. Я отнес ее вместе с помятой оберткой на вид умственно отсталому парню, который выдавал подарки.

– Мне тут, кажется, досталась кукла, – сказал я с неким подобием сарказма в голосе.

Он внимательно посмотрел на мой подарок и сказал:

– Да, не повезло тебе парень. Второй подарок тебе не положен.

– Понятно, – ответил я. – Но это же кукла, мальчики не играют в куклы.

– Ну, придется тебе тогда завести подружку и отдать куклу ей, – ответил он, расплывшись в улыбке, и подмигнул.

Лучше б он этого не делал!

Это были последние слова бедняги. Через мгновение он приглушенно вскрикнул и превратился в горстку пепла на ковре.

То было ему уроком: никогда, во что бы то ни стало, не выводил Супергероя с планеты Электро из себя.

Глава XIV

Прощайте, 50-е!

В городе Милуоки Юджин Кроммуэлл, уцелевший после того, как его автомобиль съехал в кювет, решив осмотреть машину, упал в карьер глубиной 1500 м и сломал руку. (Журнал «Тайм», 23 апреля 1956 г.)

Все мое детство время от времени папа подзывал нас в гостиную, чтобы спросить, не переехать ли нам в Сент-Луис, или Сан-Франциско, или любой другой город команд Высшей лиги. С трагизмом в голосе он объявлял, что газета «Кроникл», или «Игзэминер», или «Пост-Диспатч» осталась без спортивного обозревателя – звучало это так, будто этот журналист не вернулся после серьезного задания, как летчик во время Второй мировой войны – и теперь это место предлагали занять ему.

«И платят там неплохо», – добавлял он с откровенным удивлением, как будто для него было странно, что человеку будут платить за то, что он периодически посещает бейсбольные матчи Высшей Лиги.

Я всегда хотел переехать. В детстве мне казалось страшно увлекательным то, что папа работал на работе, где люди иногда пропадали без вести. Позже мне уже просто хотелось прожить оставшуюся часть юности там, где в новостях говорили о чем-нибудь поважнее скачков цен на свиней и объема урожая кукурузы.

Но мы так и не переехали. Каждый раз родители заканчивали разговор на том, что в Де-Мойне их все устраивало. У них обоих была хорошая работа в «Реджистере». Здесь они могли позволить себе дом, который был бы больше и лучше, чем, например, в Сан-Франциско или в любом другом крупном городе. Здесь жили наши друзья. Мы привыкли к этому городу. Де-Мойн стал для нас родным.

Сейчас, уже повзрослев, я рад, что мы остались. Мне кажется, в душе я словно привязан к этому городу на всю жизнь. Ведь именно здесь, в Де-Мойне, в окружении мудрых, дружелюбных и интересных людей я вырос, получил образование, набрался жизненного опыта.

Разумеется, того Де-Мойна, в котором я рос, теперь нет. Уже в годы моей юности он постепенно менялся. Первыми из центра города исчезли кинотеатры. Роскошный кинотеатр «Де-Мойн» снесли в 1966 году, а на его месте построили офисное здание. Это был не просто лучший театр в городе, а лучший театр от Чикаго до западного побережья США. Я и сам узнал об этом, только прочитав книгу по истории Де-Мойна, когда готовился писать эту книгу. Также я с радостью обнаружил, что построил его не кто иной, как филантроп А.Г. Бланк. Мы как-то ходили в его квартиру с моим одноклассником Джедом Мэттсом. В 1918 году на строительство театра он потратил необычайно щедрую сумму в 750 тысяч долларов. В голове не укладывается, что этот кинозал не простоял и полвека. Остальные кинотеатры моего детства – «Парамаунт», «Инджерсолл», «Хайлэнд», «Холидэй» и «Капри», «Орфеум», позже переименованный в «Гэлэкси» – пропадали один за другим. Сейчас, чтобы посмотреть фильм, нужно ехать в торговый центр. Не спорю, выбор фильмов большой, но зато показывают их на маленьком экране в крошечном кинозале, больше похожем на обувную коробку. В этом уже никакого волшебства нет.

Парк «Ривервью» закрыли в 1978 г. Сейчас это просто большой пустырь, от самого парка не осталось и следа. Примерно в это же время закрылось наше любимое кафе «Бишопс», а с ним не стало атомных туалетов, настольных лампочек, приветливых официанток и вкусной еды. Тогда же закрылось еще много местных ресторанов: «Джонни и Кейз», «Кантри Джентльмен», «Бэйбз», «Болтон и Хэйз», «Викс Тэлли-Хоу», мой любимый «Тоддл Хаус». Ресторану «Тоддл Хаус» помог разориться Кац – еще один мой бывший одноклассник. Он придумал новую систему оплаты питания

под названием «ешь и наутек», согласно которой поздно вечером он и его собутыльники плотно ужинали, после чего, не заплатив, побыстрому убегали из ресторана, на ходу выкрикивая: «Когда пуст кошелек – ешь и наутек!». Не то, чтобы я думал, что один Кац виноват в банкротстве «Тоддл Хаус», но пользы заведению он уж точно не приносил.

В 1982-м перестали печатать газету «Трибьюн», в редакции которой я получил неблагодарную работу разносчика прессы. Оказалось, с 1938-го ее никто не читал. «Реджистер» – старшую сестру «Трибьюн» и истинную гордость Айовы – три года спустя купила организация «Ганнетт». Теперешняя «Реджистер» уже не та, что прежде. Ее редакция больше не отправляет спортивного комментатора ни на весенние сборы по бейсболу, ни даже на Мировую серию. Можно считать, что газеты «Реджистер» больше нет, как нет и моего отца.

Моя начальная школа «Гринвуд» все так же замечательно выглядит с улицы, все так же аккуратно пострижен газон на ее территории. Однако больше нет ни того прекрасного спортзала, ни актового зала – двух самых прекрасных вещей в школе. Их место заняла новая застекленная пристройка. Кроме того, исчезли раздевалки, изысканные фонтаны, шумящие радиаторы и мимеографы, а с ними и запах трафаретной печати, а значит, это уже совсем не та школа, которую я помню.

Столь любимый мною стадион «Литтл Лиг» с его трибунами и ложей для прессы уступил место огромному многоквартирному дому. Неподалеку от бывшего дома семьи Баттеров вниз по реке построили новый стадион, подешевле. Правда, последний раз, когда я там был, он оказался заброшенным и сплошь зарос травой. Даже

спросить, что с ним произошло, не у кого: улицы почти безлюдны. Нет детишек на велосипедах, соседи не болтают друг с другом через забор, на крыльцах не сидят старики. Все расселись по домам.

Супермаркет «Дал» еще работает, но хоть его все еще любят покупатели, здесь больше нет Детского двора и тоннеля для продуктов. От них избавились во время одной из периодических реконструкций, обычно не несущих в себе ничего хорошего. Также закрылись продуктовый магазин «Грандз Гросериз», пекарня «Барбараз Бейк Шоп», кафе-мороженое «Ридс», парикмахерская «Поупс», магазин красок «Шервин-Уильямс», магазин электроприборов «Митчемз», маленькая обувная мастерская итальянца Джимми, которого все так любили, кафе «Генриз Гамбургерз», аптека «Реппетс». На месте сразу нескольких из них сейчас стоит большой универсальный магазин «Уолгринз», где можно купить все необходимое сразу. В этом просторном, залитом светом помещении никто друг друга не знает, продавцы либо видят тебя впервые, либо не помнят тебя в лицо. В последний раз, когда я заходил туда, я радостно отметил, что здесь продают мужские журналы. Правда, теперь они упакованы в пленку, и стало не так просто разглядывать голых женщин прямо в магазине, как раньше. Никогда бы не подумал, что это произойдет, но, тем не менее, это так.

Один за другим закрывались и центральные магазины. Закрылись универмаги «Джинбергз» и «Нью-Ютика». Закрылись «Кресджиз» и «Вулвортс». Закрылся «Фрэнкельз». Закрылся «Пинкиз». Закрылся даже недавно открывшийся магазин сети «Джей-Си Пенни». А в «Шопс Билдинг» больше нет их ресторана.

Дальше – больше. Люди совсем перестали ездить в центр в темное время суток: кто-то боялся буйных бездомных, на кого-то напали какие-то негодяи на улице. Поэтому закрылись все рестораны и ночные клубы. И когда уже казалось, что хуже некуда, перестала работать даже автобусная станция.

Почти единственным напоминанием о моем безоблачном детстве, последней реликвией города оставался «Янкерз» – просто сокровище, а не универмаг. Несколько лет он все еще занимал то самое коричневое здание в центре, правда, чтобы спасти магазин, владельцу пришлось отказаться от нескольких этажей и разместить отделы потеснее. Наконец, от штата, который на момент расцвета предприятия составлял более тысячи работников, осталось всего шестьдесят человек. А летом 2005 года, универмаг, просуществовавший сто тридцать один год, прекратил существование.

Когда я был маленьким, в редакции «Реджистер» и «Трибьюн» была огромная фототека. Она представляла собой комнату, примерно тридцать на двадцать метров, где я с радостью мог провести полчаса, если мама задерживалась. Там, наверное, было около полумиллиона фотографий, а то и больше. Заглянув в любой ящик любого шкафа, можно было найти что-нибудь по-настоящему интересное и увлекательное об истории Де-Мойна. Чего только не было на тех фотографиях! Крупнейшие пожары и крушения поездов, девушка, удерживающая пивные кружки на груди без помощи рук. Была фотография, на которой родители, стоя на приставных лестницах у больничных окон, разговаривают со своими заболевшими полиомиелитом детьми. Фототека по праву могла

называться полной историей Де-Мойна за двадцатый век в картинках.

Недавно я наведалься в редакцию, чтобы подобрать иллюстрации к этой книге, и к своему удивлению обнаружил, что теперь фототека занимает тесную комнатку в глубине здания, и большинство старых фотографий не сохранилось.

–Нужно было освободить место, – с несколько виноватым видом сказала мне заведующая фототекой Джо Энн Дональдсон.

Я не поверил своим ушам. И тогда я спросил: –Неужели редакция не передала фотографии историческому обществу штата?

Она отрицательно покачала головой.

–А, может, они в городской библиотеке? Или в каком-нибудь университете?

Она еще с бóльшим убеждением покачала головой и сказала, что фотографии были утилизированы ради серебра в их составе.

Так что получается, что исчезли не только все памятные места, но и память о них.

Жизнь тоже не стояла на месте, но, к сожалению, не для всех. Мой отец отошел в мир иной в один из вечеров 1986 года. Он лег спать и не проснулся. Когда пробил твой час, умереть во сне – самая легкая смерть. Он умер, так и не отметив свой шестьдесят первый день рождения. Работай он в какой-нибудь крупной газете, он несомненно бы стал одним из лучших бейсбольных обозревателей того времени. Но, поскольку мы не переехали, мир так и не узнал о том, каких высот он мог бы достичь. Да он и сам не знал, на что был способен. В обоих случаях, я никак не могу избавиться от мысли, что издатели этих газет никогда не поймут, какого журналиста они потеряли.

Мама прожила в нашем доме столько, на сколько хватило сил и средств, но в итоге продала его и переехала в квартиру в милом старом доме на Гранд-авеню. Ей уже за девяносто, но она не потеряла былой задор, здоровье и жажду к жизни. Она все так же в любой момент готова приготовить тебе бутерброд с какой-нибудь реликвией, хранящейся в пластиковом контейнере на задворках ее холодильника. Под раковиной она до сих пор держит кучу банок, ни в одну из которых, как она меня уверяла, никто никогда не пусикал. У нее до сих пор сохранилась одна из богатейших на Среднем Западе коллекция пакетиков сахара, соленых крекеров и различного варенья. Она попросила, чтобы я в заключении к этой книге промежду прочим написал, что она не настолько плохо готовит, как настойчиво пишет ее шалопай-сын в своих сочинениях. И я с радостью готов подтвердить, что она абсолютно права.

Что касается остальных героев этой книги и других персонажей из моего детства, едва ли можно рассказать о них поподробнее, не рискуя раскрыть их истинные имена.

У моего школьного друга Дага Уилоуби была, мягко говоря, насыщенная студенческая жизнь – в общем, он тогда жил на полную катушку, но не буду вдаваться в детали. Скажу только, что после этого он утихомирился. Он стал тихим порядочным жителем небольшого городка на Среднем Западе, хорошим заботливым отцом, дружелюбным соседом и очень приятным человеком во всех отношениях. И он уже много лет ничего не взрывал.

Второй мой приятель Стивен Кац, окончив школу, с головой окунулся в мир алкоголя и наркотиков. Год или два он проучился в Университете Айовы, а затем вернулся в Де-Мойн и поселился у бара «Тимбер Тэп» на Форест-авеню, который, в отличие от

остальных баров, открывался ежедневно в шесть утра. Как раз в это время в баре можно было наблюдать Каца в тапочках и халате – он приходит сюда опохмеляться. Около двадцати пяти лет он травил свой организм всеми влияющими на сознание веществами, которые удавалось достать. Когда-то он был одним из двух подсевших на опиум людей во всей Айове – второй из них опиум продавал. Также он был знаменит среди своих дружков тем, что разбивал машины особенно эффектно и после каждой аварии выходил с улыбкой на лице и без единой царапины на теле. Сыграв одну из главных ролей в приключенческой истории «Прогулка по лесу», которую он сам впоследствии назвал по большей части выдуманной, он стал уважаемым и покладистым членом общества анонимных алкоголиков, устроился на работу в типографию и познакомился с девушкой Мэри – просто ангелом во плоти – ставшей его спутницей жизни. На момент написания этой книги он уже три года не брал ни грамма в рот – достижение, заслуживающее восхищения.

Джед Мэттс, мой никогда не унывающий друг, переехал со своей семьей в Дьюбук вскоре, после того, как пригласил меня в павильон стриптиза на городской ярмарке, и с тех пор я ничего о нем не слышал. А вот двадцать лет спустя, когда я искал литературного агента, я попросил друга из издательства в Нью-Йорке порекомендовать мне кого-нибудь. Он рассказал мне о подающем большие надежды молодом человеке, который только что ушел из литературного агентства «Ай-си-эм» и начал работать на себя. «Его зовут Джед Мэттс», – сказал он, – кажется, вы с ним из одного города».

Таким образом, Джед стал моим агентом и на ближайшие пятнадцать лет снова превратился в моего близкого друга. В 2003

году после продолжительной борьбы с раком он умер. Мне сильно его не хватает. Кстати, его на самом деле звали Джед Мэттс, из всех персонажей этой книги только ему я не дал псевдонима.

Бадди Доберман бесследно исчез, не закончив институт. Он уехал в поисках какой-то девушки в Калифорнию, и никто его больше не видел. Также я ничего не слышал о братьях Ковальски, Лэнни и Лампи. Артур Берген стал очень богатым юристом в Вашингтоне. Семья Баттеров однажды весной уехала и с тех пор не возвращалась. Милтон Милтон стал военным, довольно-таки возмужал и погиб при крушении вертолета во время подготовки к войне в Персидском заливе.

Благодаря моей профессии я часто неожиданно встречаю старых знакомых. Однажды после презентации одной из моих книг в Денвере ко мне подошла женщина и представилась Мэри О`Лери – это была моя первая любовь. На шее у нее висели большие очки с цепочкой, выглядела она веселой, счастливой и была на удивление крупной. А в другой раз я встретил девушку, которую в школе считал робкой и невзрачной. Она выглядела как кинозвезда. Мне кажется, в этом и есть прелесть жизни.

Супергерой вырос и добился некоторого успеха. До недавних пор он все еще иногда испепелял людей, обычно тех, кто не говорил спасибо тому, кто придержал для него дверь. Но, в конце концов, он перестал уничтожать людей, когда понял, что кто-нибудь из них, возможно, покупает его книги.

Священный свитер Супергероя с изображением молнии на груди, весь в дырках, проеденных молью, выбросили в 1978 году его родители во время уборки, за которой он по трагической случайности не уследил. Они также выбросили его бейсбольные

карточки, комиксы, журналы, хлыст и меч Зорро, повязка Небесного Короля и кольцо от нее, шапку из енота, как у национального героя Дейви Крокета, нарядный ковбойский жилет и усыпанные блестящими камешками сапоги со звенящими жестяными шпорами, как у Роя Роджерса, походный набор бойскаутов, карточку клуба почитателей Небесного Короля и прочие членские принадлежности, фонарь, как у Бэтмэна, с помощью которого можно подавать сигналы, электронный футбол, бейсбольный шлем, детские детективы и бесценную коллекцию киноафиш, в большинстве новеньких.

По этому принципу и существует мир. Все вещи рано или поздно становятся ненужными. Жизнь продолжается. Но все же иногда я чувствую угрызения совести потому, что мы не сохранили те вещи, благодаря которым наша жизнь пятидесятые была особенно интересной, а сами мы были не такими как все. Представьте, как было бы здорово смотреть фильмы, если взять те роскошные кинотеатры Де-Мойна с их огромными экранами и богатыми интерьерами, и добавить к ним новейшие системы обработки звука и искусную компьютерную графику? Вот это, правда, было бы волшебство. Представьте, что все офисы, магазины, рестораны, места развлечений удобно сосредоточены в центре города, и по пути от одного до другого можно дойти пешком. Представьте кафе с атомными туалетами, прославленную чайную, где маленьким посетителям дарят подарки, магазин одежды с огромной лестницей и балконом, «Детский дворик», где можно читать комиксы сколько душе угодно. Просто представьте город, где есть то, чего больше нет нигде.

Вот это была бы жизнь! Такой она была в пятидесятые. И мне кажется, эта жизнь навсегда в прошлом. К сожалению.

Библиография

1. *Galperin I.R.* Stylistics. – М., 1977.
2. *Леваишова В.А.* Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка) : Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Науч.рук. Н.Д.Токарева; МГПИИЯ. - М.: 1976. – 191с.
3. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка: Учеб. Пособие. Москва: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
4. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. Учпедгиз, М.: 1955. – 463 с.
5. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
6. *Ланчиков В.К.* Зевгма как переводческая проблема [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html>.
7. *Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой.* – М.: Наука, 1980. – Т. 2. Синтаксис. – 709 с.
8. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
9. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
10. *Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И.* Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть II. Грамматические

и жанрово-прагматические основы перевода. – М.: Высшая школа, 1965. – 287 с.

11. *Левицкая Т.Р., Фитерман А.М.* Проблемы перевода. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 208 с.

12. *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.

13. *Нонака С.* Силлепсис в «Котловане» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. – СПб.: Наука, 2004. – с. 378-398.

14. *Лагута О.Н.* Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1. Учебно-методическое пособие. – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. – 71 с.

15. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940.

16. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича.– М.: «Р.Валент», 2004. — 240 с.

Список использованных источников

1. *Bryson B.* The Life and Times of the Thunderbolt Kid. – Transworld Publishers, 2007. – 404 с.

2. *Брайсон Б.* 100% Америка, или Как я стал мужчиной / пер. с англ. В. Михайлова. – М.: Geleos Publishing House; Кэпитал Трейд Коспани, 2010. – 320 с.

3. *Salinger J.D.* The Catcher in the Rye – Progress Publishers, 1968. – 248 с.
4. *Сэлинджер Д.Д.* Над пропастью во ржи / пер. с англ Р. Райт-Ковалевой – М.: АСТ, 2004. – с. 25-177.
5. *Lawrence D. H.* Lady Chatterley's Lover – Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2009 – 270 с.
6. *Лоуренс Д. Г.* Любовник леди Чаттерли / пер. с англ. И. Багрова, М. Литвиновой. – М.: Книжная палата, 1991. – 272 с.
7. *Jerome K. Jerome.* Three Men in a Boat – Penguin Books, 1994. – 192 с.
8. *Collins. W.* The Woman in White – Wordsworth Editions Limited, 2002. – 528 с.
9. *Коллинз У.* Женщина в белом / пер. с англ. Т.Л.Лещенко-Сухомлиной. – Мн.: Юнацтва, 1991. – 606 с.
10. *Kesey. K.* One Flew Over the Cuckoo's Nest – СПб.: КОРОНА принт, КАРО, 2004. – 432 с.
11. *Кизи. К.* Над кукушкиным гнездом / пер. с англ. В. Голышева [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/KIZI/kukushka.txt>
12. *Auster. P.* City of Glass. // The New-York Trilogy [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/151329/Auster_-_City_of_Glass.html
13. *Остер. П.* Нью-йоркская трилогия – М.: Эксмо, Домино, 2010. – 416 с.
14. *Morrison. T.* Beloved – Vintage, 2004 – 352 с.
15. *Довлатов С.Д.* Иностранка – М.: Азбука-классика, 2009 – 160 с.

16. *Некрасов В.А.* Чет-нечет [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/n/nekrasow_w_a/text_0020.shtml
17. *Lee N.H.* To Kill a Mockingbird – М.: Антология, 2008 – 320 с.
18. *Dickens. C.* Great Expectations – Harper Press, 2010 г. – 480 с.
19. *Poe. E.A.* Novels – СПб.: Сибирское университетское издательство, 2007 г. – 272 стр.
20. *Ковалев А.Н.* Там, на холме под солнцем (роман-хроника) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2003/06/21-127>